

Александр Михайловский
Юлия Маркова

**ВОЙНА ЗА ПРОЛИВЫ
ПРИЗЫВ
К ПОХОДУ**

Рандеву с "ВАРЯГОМ" - 7

Ангелы в погонах

Александр Михайловский

**Война за проливы.
Призыв к походу**

«Александр Михайловский и Юлия Маркова»

2019

Михайловский А. Б.

Война за проливы. Призыв к походу / А. Б. Михайловский —
«Александр Михайловский и Юлия Маркова», 2019 — (Ангелы в
погонах)

Седьмой том серии «Рандеву с Варягом». В мире царя Михаила относительно спокойно прошли три года. Победа в русско-японской войне и новый государь укрепили Российскую империю, но впереди – Первая Мировая война. Что должны сделать царь-реформатор и его помощники, чтобы избежать изнуряющей войны и превратить поражение в победу? Об этом читайте в этой и следующих книгах трилогии «Война за Проливы».

© Михайловский А. Б., 2019

© Александр Михайловский и Юлия
Маркова, 2019

Содержание

Пролог	5
Часть 25	10
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Борисович Михайловский, Юлия Викторовна Маркова

Война за проливы. Призыв к походу

Пролог

С того момента, на котором завершилось действие предыдущей книги, минуло ровно три года. За это время локомотив мировой истории, с лязгом проскочив рукотворную стрелку, созданную действиями эскадры Ларионова, все дальше и дальше уходил в сторону от Главной Последовательности. Как и двести лет назад, Россия снова была вздернута на дыбы жесткой волевой рукой императора Михаила Лютого и его соратников. Огромная страна с самой большой в мире территорией, населенная сильным, талантливым и терпеливым народом, без великих потрясений и социальных катастроф направилась по новому, еще никому не ведомому пути развития, пока условно называемому социальным абсолютизмом. Ну да – если бывает управляемая демократия, то почему бы не быть социальному абсолютизму? Ведь на самом деле распространенное мнение о том, что представительская форма правления является гарантией соблюдения властью интересов народа, является глубоко ошибочным.

Разве мало мы видели политических систем с представительской формой правления, новоизбранные представители власти в которых уже на следующий день после завершения выборов забывали об обещаниях, данных ими во время предвыборной кампании? Ну а потом обманутые избиратели могут сколько угодно протестовать и кричать о том, что их нае... ну вы поняли. Никто на их крики не обратит ровным счетом никакого внимания. В самом тяжелом для властей случае на разгон демонстрантов пошлют полицейский спецназ. Дело в том, что в мире, где все продается и покупается, лояльность слуг народа – это тоже товар. Редкий президент, парламентарий, губернатор или мэр могут отбыть свой срок, не измазавшись в коррупции и финансовых аферах. И эти самые редкие, оставившие руки и совесть чистыми, считаются в рядах власти белыми воронами. Единственным плюсом представительской формы правления (правда, очень небольшим и неочевидным) является так называемая «сменяемость власти». То есть народ имеет полное право менять одних своих представителей на других, точно таких же (за этим политическая система представительской демократии следит неукоснительно), и покормиться за счет налогоплательщиков успевает максимальное количество мелких жуликов от политики.

Совсем не такую политическую систему строит в Российской империи император Михаил Второй. Исповедуя принцип, что власть дана монарху от Бога не для того, чтобы вкусно есть и пить на серебре-золоте и сладко спать на пуховых перинах, а чтобы, подобно строгому, но любящему отцу, вести свой народ к счастью и процветанию, он рьяно взялся за переустройство государства. И в этом деле у него нашлось множество искренних и деятельных соратников. Понимание, что так дальше жить нельзя, давно витало почти во всех слоях российского общества. И хоть каждый видел пути выхода из этого кризиса по-своему, значительная часть деятельных и инициативных молодых людей поддержала начинания молодого монарха. Зато людей внутри страны и за ее пределами, полагавших, что после победы над Японией и небольших пертурбаций, связанных со «сменой караула» в Зимнем Дворце, Российская Империя снова впадет в сонное забытие, постигло неизбежное в этом случае жестокое разочарование. Но, казалось бы, что можно было сделать за три года? А оказалось, что немало.

Новый император ничем не походил на своего несчастного брата, в клочья разорванного бомбой эсеровских боевиков; он не отпускал на самотек ни одного дела. Соблюдение зако-

нов, а также результаты выполнения императорских указов и разовых поручений в обязательном порядке проверялись им через несколько независимых каналов. Основными из них были специальный отдел в ГУГБ, общество фабрично-заводских рабочих, а также материалы российской (и иностранной) прессы, над систематизацией которой работал целый аналитический отдел Собственной его Императорского Величества Канцелярии. Несколько десятков тихих и аккуратных выпускниц бестужевских курсов ежедневно перечитывали присылаемые им экземпляры прессы (ибо немыслимо живому человеку, хотя бы даже императору, читать все издаваемые в России газеты, вплоть до уездных), выискивали описание творящихся безобразий, и готовили по ним аналитические материалы. После обработки «текучка» направлялась в ГУГБ на дальнейшую разработку, а вопиющие, так сказать, случаи ложились на стол к императору Михаилу.

Но, в самом деле, не будет же император лично разбираться с каждым оборзевшим или обленившимся градоначальником в каком-нибудь уездном Залупаевске-Чернодырске? Добро бы там был генерал, министр или губернатор, – а то такая мелкая чиновная вошь, которую без лупы из Зимнего дворца и не разглядеть. Поэтому император завел себе штат специальных исполнительных агентов, чье постоянное местопроживание было разбросано по всей Руси Великой: в Центральных губерниях – погуще, в Сибири и на Дальнем Востоке – пореже. Убеждения у этих людей были самыми разными: от лево-социальных до право-монархических, – но всех их объединял патриотизм и любовь к России. Если хочешь своей стране добра, то обязательно будешь договариваться с властями и другими людьми, имеющими политические убеждения, несколько отличные от твоих. Эти самые люди, получив по телеграфу задания из своего главного управления, выезжали на место происшествия (обычно в соседнюю губернию) и вершили там следствие, суд и расправу, имея в виду, что их собственные действия контролируются с такой же дотошностью. Пока специальный исполнительный агент действует в интересах государства и императора, он имеет диктаторские полномочия и иммунитет от любого преследования, но стоит ему переступить черту, отделяющую государственные интересы от частных, как на его голову обрушатся все кары ада.

Прочие деятели, не сумевшие ради блага страны наступить на горло своим политическим догмам (зачастую крайне скороспелым) разбежались по разным флангам. В левом, красном углу, при этом находились недоразгромленные эсеры – из тех, что догадались вовремя отойти от террористической деятельности; эсдеки, после ухода Ленина и Кобы скатившиеся в травоядный меньшевизм; а также, россыпью, разного рода либеральные интеллигенты, так и не сумевшие оформиться в сколь-нибудь компактную политическую тусовку, ибо в этой среде сколько людей, столько и мнений. Поражения русской монархии в русско-японской войне и так называемой первой русской революции не случилось, а следовательно, вместо бурного кипения говен политическое болото лишь тихонько бродило, шипя пузырьками. И только иногда эта идейная биомасса поражала общественность выхлопами зловонных газов в виде статей разных «властителей дум» с левой и правой стороны политической галерки. Левые привычно требовали низвержения самодержавия или хотя бы перехода его в конституционную фазу, а правые с таким же занудством твердили о слабости нынешней власти, ее либеральных наклонностях и потакании социализму, повторяли антисемитские лозунги и требовали «закручивания гаек» по всем направлениям.

Кстати, об антисемитизме... Черта оседлости была отменена с первого января 1907 года, одновременно с введением в действие новых Уголовного и Административных кодексов, заменивших старые Уложения о Наказаниях. Новый порядок судопроизводства предусматривал драконовские меры в отношении лиц, чьи действия подпадали под экономические статьи Уголовного Кодекса, а уж по статье «финансирование терроризма» и вовсе полагалась пожизненная каторга. Стройки Империи на Дальнем Востоке и Крайнем Севере требовали все больше рабочих рук. Экономический отдел ГУГБ с равнодушием механической мясорубки перемалывал

вал иудейские династии банкиров и зерноторговцев, выдавая на-гора преступления, по которым суды так же равнодушно штамповали дела с санкцией «десять лет каторжных работ и пожизненная ссылка с конфискацией всего нажитого имущества». При этом семейство осужденного и его ближайшие родственники сразу после суда в административном порядке высылались к месту поселения под гласный надзор полиции.

Между прочим, под эту мясорубку попали не только представители «богоизбГанного» народа, но и торговые воротилы из числа старообрядцев, не считавшие православных за людей, а также некоторые иностранцы – например, владельцы лесных концессий в Архангельской губернии, имеющие подданство Великобритании. Впрочем, в потоке подследственных попадались и лица православного вероисповедания, которых система глотала с тем же равнодушием. Грешен – ответишь! При этом осужденному по экономической статье было достаточно заявить, что он раскаивается в содеянном и желает навсегда покинуть территорию Российской Империи вместе со всем своим семейством – после этого судья тут же заменял в приговоре каторгу на депортацию без права возвращения. Прицепленная на границе Российской империи к скорому поезду на Вену теплушка для депортируемых – и скатертью дорога. Бездомные, беспаспортные и нищие – ибо конфискацию нажитого имущества и денежных средств для осужденных по экономическим статьям никто не отменял.

При этом на все вопли из-за британских морей царь Михаил отвечал: «наплевать и забыть». Ощетинившийся штыками Континентальный Альянс был силен как никогда, а при-держиваемые, будто тузы в рукаве, «Северодвинск» и «Алроса» гарантировали внезапное для британцев обнуление любого количества их сверхброненосцев. В то же время адмирал Фишер – осторожный, как старый лис, засевший в своей норе, – не спешил выкладывать на стол козыри. Боевая ценность подводных лодок из эскадры адмирала Ларионова была им сильно недооценена, и он рассчитывал, что за счет напряжения всех своих экономических сил к 1912 году Британия сумеет обеспечить подавляющее превосходство над объединенными флотами континенталов. Германия, заложившая на своих верфях серию сверхдрендоутов типа «Мольтке», явно не успевала достроить их к указанному сроку. В то же время в британском Адмиралтействе считали, что русские «Измаилы» в случае войны (которая должна начаться по инициативе Британии) так никогда и не сумеют выбраться из Балтики на океанский простор, ибо в Северном море их будут ждать господствующие на этом театре морской войны сверхброненосцы Роял Нэви. Впрочем, в Санкт-Петербурге начальник ГМШ адмирал Григорович и командующий Балтийским флотом адмирал Макаров тоже понимали, что, стоит начаться войне с Британией, Балтийская лужа превратится в ловушку для русского флота – и поэтому подготовили свой ответ джентльменам...

Как раз к осени 1907-го года стратегическая железная дорога Санкт-Петербург-Волхов-Петрозаводск-Кемь-Мурманск-Североморск успешно дотянулась до конечной цели на берегу Кольского залива. Кстати, будущая ГВМБ Северного флота была основана еще до этого знаменательного момента, весной 1905-го года, только до прихода железной дороги все необходимое приходилось возить туда либо по морю, либо круглогодично вокруг всей Скандинавии, либо, в летние месяцы, через Архангельск и Белое море. Но теперь все проблемы снабжения базы на берегах Баренцева моря успешно разрешились, поэтому первая бригада сверхдальних рейдеров («Измаил», «Кинбурн» и «Гангут») под командованием контр-адмирала Николая Эссена, принятая в казну как раз в канун нового 1908-го года, должна была перейти к постоянному месту базирования уже этой весной. Случиться этому предстояло сразу после того, как команды кораблей завершат полный курс боевой подготовки и окончательно освоят новую технику. Кроме бригады дальних рейдеров, на Североморск должна была базироваться и Северная эскадра Балтийского флота, пока имеющая своим передовым пунктом базирования военноморскую базу на Груманте. В дальнейшем, года через полтора, с принятием в казну второй бригады рейдеров, чьи корпуса уже стоят на стапелях («Очаков», «Наварин» и «Формоза»), эти

два соединения дальнего действия посменно будут находиться в передовой базе на Груманте (готовность номер один на случай войны) и в главной базе Североморска (готовность номер два). Британскому адмиралтейству эти подробности российских планов пока неизвестны, и это хорошо, иначе не избежать истерики – как у нервной гимназистки, случайно узнавшей о своей беременности.

Зато британским адмиралам было хорошо известно о существовании корпуса морской пехоты под командованием генерал-лейтенанта Бережного, который в любой момент мог очутиться на любом из потенциальных приморских театров военных действий. На учениях эти дикие башибузуки уже не раз проделывали подобные фокусы, в железнодорожных вагонах перемещаясь в любой порт Империи, который мог стать отправным пунктом для стратегической десантной операции. И ведь не угадаешь, куда на самом деле нацелился этот коварный византиец, император Михаил, под личиной светского человека скрывающий необузданную сущность дикого викинга... И опять же в Британском Адмиралтействе не догадывались, что цель первого стратегического десанта определена уже давно, чуть ли не с того самого момента, как тихоокеанская бригада морской пехоты была переформирована в корпус. При этом постоянные перемещения этого элитного соединения русской армии с одного морского театра на другой служат исключительно цели повышения боеготовности местных русских войск, участвующих в совместных учениях с корпусом морской пехоты.

Кроме Мурманска (который пока еще только точка на карте, ибо все ресурсы были вложены в строительство Североморска), к концу 1907 года российская железная дорога пришла также в Пхеньян, Сеул и Фузан. Выход в Тихий океан оформлялся с таким же тщанием, как путь в Атлантику через северные моря. Только главным экономическим ресурсом Баренцева и Норвежского морей должна была стать рыба, а вот порты на Дальнем Востоке предназначались для обеспечения круглогодичного товарооборота с вассальной Японией, а также торговых операций со странами Тихоокеанского региона. Кроме того, строительство этой железной дороги должно было подготовить Корейскую империю (в самом начале войны вместо протектората Японии попавшую под протекторат России) к процессу окончательного экономического поглощения. Такая же участь ожидала и Маньчжурию, которую император Михаил взял в аренду – но не у бессильного правительства Империи Цин, а лично у императрицы Цыси, как один владелец у другого владельца. В одиннадцатом году (а может, и раньше), когда в Китае грянет Синьхайская революция (или как там она будет называться) и династия Цин будет свергнута, Российская империя просто присоединит Маньчжурию к своей территории, как выморочное имущество.

Но не одной большой политикой и усилением армии и флота (хотя и это немало) жила огромная страна. На одной шестой части суши продолжались и процессы социального характера. Помимо нового кодекса о труде, а также бурной деятельности союза фабрично-заводских рабочих, который стал первым и самым мощным профсоюзом в Российской империи, еще первого мая 1905 года император Михаил второй повелел приступить к поэтапному введению всеобщего начального образования и ликвидации безграмотности всего взрослого населения. Первый этап программы была рассчитан на десять лет, после чего следовало начать поэтапное внедрение всеобщего среднего образования (семилетка). По факту всеобщее народное просвещение было одной из первоочередных задач, ибо без него не приходилось рассчитывать на быстрый экономический рост. Неграмотный человек способен заниматься только тяжелым и низкооплачиваемым физическим трудом, а Империи во все больших количествах требовались квалифицированные рабочие, техники, инженеры, фельдшеры, врачи, учителя и прочие... По этому поводу у императора Михаила был тяжелый разговор с господином Победоносцевым, после чего тот сам запросился в отставку со всех постов, сказав, что так будет лучше для всех. До конца этого дела было еще очень далеко, но император смотрел на это со сдержанным опти-

мизмом, потому что к достославному семнадцатому году безграмотность уже будет искоренена полностью, и речь будет идти только о повышении уровня грамоты.

На личном фронте (то есть в семьях) у главных героев тоже было очень хорошо. Юный цесаревич Александр, сочетающий блондинистость и голубоглазость, с характерными чертами лица потомка самураев, в буквальном смысле рос не по дням, а по часам, и уже вполне бодро лепетал на двух языках. Совсем немного от него отставали Георгий – сын Кобы и журналистки Ирины, а также двоюродный брат Сергей, родившийся в семье генерала Бережного и великой княжны Ольги. И только в семье адмирала Ларионова и бывшей принцессы Виктории Великобританской родилась девочка, которую окрестили Елизаветой. Николай Бесоев с супругой благополучно вернулись из своего американского вояжа, отплыв из Нью-Йорка на новейшем турбинном пароходе «Мавритания». А через две недели после их отъезда, во время проведения большого приема в доме Адама Шиффа, в подвале здания произошел мощный взрыв светильного газа, в результате чего кровавые клочья, оставшиеся от хозяев и гостей, раскидало на два квартала вокруг. Император Николай и прочие люди, погибшие во время теракта у ресторана Кюба на Большой Морской улице, могли считать себя отомщенными. Око за око, зуб за зуб, смерть за смерть.

Впрочем, никто в Америке не связал этот взрыв ни с терактом, ни с деятельностью ужасного ГУГБ. Несчастный случай – которым, однако не преминула тут же воспользоваться Джeneral Электрик (бывшая компания Томаса Алвы Эдисона), пробивающая закон, обязующий заменять газовое освещение на электрическое. Впрочем, и тут тоже не все так однозначно, ибо к тому моменту одним из крупнейших владельцев акций этой добропорядочной корпорации был русский Военно-Промышленный Банк, вошедший в дело не только денежным капиталом, но и двумя десятками самых ходовых патентов, выданных на акционерное общество «особая эскадра адмирала Ларионова». Но тут уж к месту будет сказать, что на войне как на войне; деньги и влияние в обществе – это тоже оружие. И вдвойне приятно, когда такой честный и прозрачный бизнес совмещается с операцией прикрытия ГУГБ. Впрочем, эта акция так и осталась одиночной; никакого массового террора никто развязывать не собирался, да этого, собственно, и не требовалось. Экономическая экспансия через ту же Джeneral Электрик, через Форда и других производителей, с радостью обменивавших свои активы на патенты, сработает гораздо эффективней. Конечно, рано или поздно американские власти спохватятся, что дали своему бизнесу слишком много воли, но к тому времени американские деньги уже будут всю работу на Россию.

Впрочем, это были далеко не все события, случившиеся за три года, а только самые важные из них; еще большему количеству событий еще предстоит произойти, ибо начавшийся 1908-й год должен будет стать годом роковых перемен. Бомбы расставлены, фитили тлеют, а статисты на заднем плане готовятся исполнять свой танец с саблями. Впрочем, начало нового года тоже не обошлось без события, о котором стоит упомянуть. В самый канун нового года (по григорианскому календарю) император Михаил обнародовал указ, по которому светские государственные учреждения Российской империи (ибо РПЦ после Петра Великого – это тоже государственная контора) в обязательном порядке должны перейти на григорианский календарь. А-то были уже, знаете ли, прецеденты в общении с союзниками, когда вроде говорили об одном и том же, но каждый при этом подразумевал свое. Впрочем, на фоне остальных новшеств эту реформу подданные императора Михаила восприняли абсолютно спокойно. Вот предстоящая реформа орфографии – это да, она непременно вызовет настоящий всплеск бурления фекалий. Но это все еще впереди.

Часть 25

9 февраля 1908 года. Утро. Санкт-Петербург. Зимний дворец. Готическая библиотека.

Присутствуют:

Император Всероссийский Михаил II;

Командующий особой эскадрой вице-адмирал Виктор Сергеевич Ларионов;

Командующий особым корпусом морской пехоты генерал-лейтенант Вячеслав Николаевич Бережной;

Начальник ГУГБ тайный советник Александр Васильевич Тамбовцев;

Замначальника ГУГБ полковник Нина Викторовна Антонова;

Замначальника ГУГБ подполковник Мехмед Ибрагимович Османов.

– Итак, товарищи... – Встав со своего места во главе стола, император обвел взглядом людей, собравшихся в святая святых Зимнего дворца. – Сегодня исполняется ровно четыре года с момента нападения японского флота на наши корабли в Чемульпо и базу Порт-Артур. Это совсем не тот случай, по поводу которого принято собираться за праздничным столом, поэтому давайте встанем и почтим минутой молчания тех русских матросов, солдат и офицеров, которые погибли в результате этого вероломного нападения и последующей войны по принуждению Японии к миру.

После этих слов русского монарха присутствующие дружно встали и застыли в позе скорбного молчания. И случилось это не потому, что такие предложения не принято игнорировать, а потому, что все они ощущали сходные чувства по поводу этой пока еще небольшой и не очень круглой даты. Да, та война окончилась победой и в итоге безмерно усилила Россию, но никакая победа не в состоянии вернуть погибших. И этот факт тоже требуется признать наряду с теми обстоятельствами, что войны в человеческой истории неизбежны, и пишут эту историю победители, а не побежденные. Впереди у России новые войны, и еще в самом начале своего правления император Михаил поклялся, что больше никогда его страна не будет застигнута врасплох внезапным ночным нападением.

Ну ведь все и все знали, господа: порохом со стороны Японии воняло целых два года, ровно с тех пор, как был подписан англо-японский союзный договор, в последние месяцы прямая подготовка японской армии и флота к войне была очевидна даже дилетантам. И все равно из-за несогласованности действий ведомств (прямо как в басне Крылова про лебедя, рака и щуку), а также общей нерешительности императора Николая, вызванной влиянием разного рода скользких личностей (Безобразовская клика), Россия перед той войной раскорячилась в самой неудобной позе. И даже прекращение телеграфной связи с Кореей за несколько дней до войны не насторожило петербургских гешефтмахеров от политики. Человеческий фактор во всей красе, иттить его за ногу.

Но теперь, когда в Зимнем дворце сидит новый император, а на ключевых постах находятся иные люди, все должно пойти совсем другим путем. Ведь победа России в войне против Японии отнюдь не отменила тех противоречий, которые в другой истории способствовали развязыванию Первой Мировой войны. Хотя некоторые приводящие к войне факторы при этом ослабли, другие оказались обостренными до предела. Состав коалиций в новом варианте мировой войны, скорее всего, окажется совершенно иным, нежели в нашей истории; а так это те же самые яйца, только в профиль. К началу двадцатого века мир за пределами Европы оказался, будто пирог, поделен на колониальные владения некоторых держав Старого Света, оставив новым мировым хищникам (Германской империи и САСШ) только объедки с барского стола. С другой стороны, новые игроки стремительно усиливались, что рано или поздно грозило при-

вести их к столкновению с грандами мировой политики. Немаловажную роль при этом играл Континентальный Альянс.

Россия после победы резко укрепила свое положение в тихоокеанском регионе, а также общий политический авторитет. О том, чтобы сделать ее мальчиком для битья и жертвой раздела, пока не шло и речи, но подспудно такие мысли в головах европейских политиков все же бродили, несмотря на то, что Россию Михаила Второго боялись. Боялись ее дальнейшего расширения в Китай (хотя, казалось бы, зачем ей это надо), в направлении Кашгара, Афганистана, Персии и... Черноморских проливов и Балкан. Боялись дальнейшего роста ее могущества, вызванного территориальными приращениями и внутренними переменами, боялись непредсказуемой (читай самостоятельной) политической позиции и военной мощи.

Да, действительно, Россия к будущей войне готовилась как могла. Реформировала и обучала армию, приводила в порядок финансы, развивала промышленность, модернизировала систему государственного управления и внутреннюю политику, чтобы в случае войны русский народ как один человек встал на защиту своего Отечества. И самое главное – русское военное командование, и в первую очередь император Михаил, строило планы, как избежать затяжной и изматывающей мировой бойни, разбив ее на несколько скоротечных и относительно бескровных вооруженных конфликтов, которые должны случиться в тот момент, когда главный враг еще не будет готов к прямому военному столкновению.

Германия, фактически на халяву заполучившая Формозу в результате русско-японской войны, входила во вкус обладания заморскими владениями. И совершенно неважно, что эта собственность, наряду с Циндао, располагалась на прямо противоположной Европе стороне земного шара. Российские железные дороги пронизывают всю Евразию с запада на восток, так что «Тихоокеанский экспресс», следующий из Берлина до Фузана через пограничную станцию Вержболово, тратит на путешествие всего две недели. А дальше, если хочешь, плыви на пароходе в Японию (где у многих немцев вдруг завелись деловые интересы), а хочешь – также по морю отправляйся в заморские владения Германской короны: Циндао, Формозу или на Марианские острова.

И все это без каких-либо таможенных или пограничных формальностей – они попросту отсутствуют между странами Континентального Альянса. Но аппетит приходит во время еды, и в Берлине уже с воодушевлением поглядывают на африканские и азиатские колонии соседней Франции и немного Великобритании. Единственное, что пока сдерживает аппетиты кайзера Вильгельма – позиция его русского коллеги, заключающаяся в том, что в таком тонком деле, как международная политика, никакие односторонние экспромты неприемлемы. Да уж, молодой император Михаил – это не его слабовольный брат Николай, которым кайзер вертел как хотел. У этого мальчика есть и клыки и железная бульдожья хватка – и только поэтому Германия пока ведет себя на международной арене по возможности сдержанно, не нарушая приличий ничем, кроме грозного порывивания.

На противоположной стороне барьера нынче не все так радужно. Турцию, Австро-Венгрию, Францию и Великобританию коалицией можно назвать весьма условно. Договора, связывающие эти страны, составлены довольно уклончиво и оставляют большой простор для толкования. И немалую роль в рыхлости этого союза играют прошлые политические грехи главных противников Германии и России. Франция в ходе последней войны предала Россию, а Великобритания – Японию, оказав последней только моральную поддержку. Верить таким партнерам – себя не уважать, тем более что сами англичане отрытым текстом уже проговаривались, что для них главное – соблюдение собственных интересов, а друзья и союзники пусть сами как умеют выбирают из того неприятного положения, в которое их загнали эти самые британские интересы.

К тому же в тылу у Великобритании имеется Ирландия, на территории которой все активнее проявляет себя так называемая Ирландская Республиканская Армия. Яд, кинжал, бомба и

револьвер – ирландским боевикам не чуждо никакое оружие. Единственное, что смогла выявить британская разведка – следы подготовки боевиков ИРА ведут в Россию, на базы особого корпуса морской пехоты и штурмовых отрядов ГУГБ. Поэтому в Лондоне не исключают, что нынешняя деятельность ирландских фениев – это еще цветочки, а ягодки на британские головы градом посыплются в случае начала войны с Российской империей. Русская морская пехота и штурмовые отряды ГУГБ – звучит громко; и неизвестно, чему там еще русские инструктора могли научить ирландских боевиков. К тому же не стоит забывать и о бурях с индусами. Если русскую или германскую активность не удалось обнаружить на направлении Южной Африки или Индии, это вовсе не значит, что ее не было. Если одновременно полыхнет в Европе, Ирландии, Индии и Южной Африке, то Британская империя окажется в положении пожарного, у которого горят несколько домов в разных концах города.

Франция – готовит реванш во имя возвращения Эльзаса и Лотарингии, но при этом все время оглядывается на германскую границу, потому что соотношение сил в войне один на один отнюдь не в пользу французов. Сейчас силы сторон оцениваются как два к трем, и, более того, положение продолжает ухудшаться, потому что население и экономика Германии растут опережающими темпами по отношению к Франции. При этом, после того как русский медведь бросил ветреную Марианну, соблазнившись костлявыми прелестями рыжей пруссачки, других дураков, желающих повоевать с Германией во имя французских интересов, по сторонам все как-то не видно. Шаг вправо, шаг влево – и в случае предательства так называемых «союзников» германские гренадеры снова промаршируют по улицам Парижа.

Турция – находится в контрах со всеми своими соседями по Балканам, и война там может вспыхнуть в любой момент безо всякого российского участия. Уж слишком много крови пролито турецкими янычарами за пять веков османского владычества, чтобы греки, болгары, румыны, сербы и черногорцы могли упустить удобный момент для расправы со старым кровным врагом, пусть даже для этого им придется навалиться кучей на одного, забыв прежние распри. Единственное, что утешает султана и его правительство – то, что распрей между балканскими народами все еще предостаточно, и у многих из них, кроме Турции, имеется еще такой старый враг, как Австро-Венгрия.

А сама Австро-Венгрия – как прелое лоскутное одеяло, разлезается буквально на глазах, и злосчастный император Франц-Иосиф, в свое время предававший еще прадедушку нынешнего русского императора, не знает, что ему делать, чтобы хоть немного продлить существование своего государства. Сам факт усиления России действует на подчиненных ему славян самым пьянящим образом, и только кровь, пролитая при подавлении восстаний, может отрезвить горячие головы. Но при этом неизвестно, как на такие действия отреагирует Российская империя, провозгласившая себя защитницей всех слабых и униженных. Не исключено, что при наихудшем развитии событий Петербург спустит с цепи своих псов войны – и тогда головы придется лишиться уже самому императору Францу-Иосифу.

Собственно, годовщина начала русско-японской войны и была использована Посвященными для того, чтобы сверить часы по столь важному вопросу, как грядущая мировая война (или то, во что оно там выльется). Поэтому, после того как истекла минута молчания и присутствующие сели на свои места, слово снова взял император Михаил. Он напомнил присутствующим, что, занимаясь текущими делами, нужно помнить и о том, что время не стоит на месте и что именно на текущий 1908 год еще в самом начале их работы было назначено разрешение основных внешнеполитических проблем на европейском направлении.

– Мы об этом тоже помним, – кивнул тайный советник Тамбовцев, – и стараемся делать все возможное для того, чтобы в критический момент наши противники были разобщены и заняты собственными неотложными делами, а в Российской империи, напротив, царили патриотические, лояльные к власти и стране настроения, способствующие мобилизации общества и скорейшему разгрому врага. Да вы и сами об этом прекрасно осведомлены.

– Осведомлен, – согласился император Михаил, – но только, Александр Васильевич, ваше ведомство представляет собой всего лишь часть государственной машины, которой в ближайшем будущем предстоит пережить испытание на прочность. Тридцатое июня* уже не за горами, и не хотелось бы в последний момент узнать, что что-то пошло не так... Нина Викторовна, что у нас с операцией прикрытия по Тунгусскому делу?

Примечание авторов: * *тридцатое июня 1908 года – день падения Тунгусского метеорита.*

– С операцией прикрытия все в порядке, – заверила императора полковник Антонова. – Поскольку на каждый роток не накинешь платок, а наши люди то тут, то там проговаривались то об одном, то о другом, практически с самого нашего появления в этом мире по нему поползли слухи, что на нашей эскадре имеется страшное оружие, которое одним выстрелом способно уничтожать города и испепелять целые армии. Никакой конкретной информации о принципах конструирования этого оружия, его дальности и мощности во внешний мир не просочилось, мы это специально проверяли, поэтому решили, что есть неплохая возможность развлечь обывателя страшными байками, а заодно занять наших коллег с запредельной стороны поисками отсутствующей в темной комнате черной кошки.

– Насколько я помню азы, – сказал император Михаил, – для отправки к цели боеприпаса такого типа необходима специальная ракета почти космического класса, а у нашего господина Циолковского и его учеников ракетная программа только в самом начале. И, судя по последним докладом, пороховые ракеты господина Поморцева пока лишь способны подняться вертикально не более чем на десять верст, почти без всякой полезной нагрузки...

– Такие подробности, – пожала плечами полковник Антонова, – известны только Посвященным. За пределами этого круга сведения об ужасном оружии будущего смутны и туманны. Имеются отдельные сведения, что бомбы такого типа могут быть сброшены с тяжелых летательных аппаратов, которых в составе нашей эскадры не имеется. Кстати, должна напомнить, что на испытаниях экспериментальные заряды устанавливают на специальных решетчатых вышках. Тяжелых бомбардировщиков у нас нет, это факт, но зато всему миру известно, какое щедрое финансирование получил от вашего Величества небезызвестный в широких кругах граф Цеппелин. Дополнительным плюсом является то, что почти все построенные им аппараты эксплуатируются нами как раз в районе предполагаемого падения Тунгусского метеорита. Если сложить два и два, то любому иностранному шпиону становится ясно, что для доставки к цели нашей гипотетической супербомбы мы можем использовать дирижабли или, в крайнем случае, особо грузоподъемные воздушные шары-стратостаты, работы по которым за два последних года были активизированы в Российской империи. Но мы не пытаемся убедить в этом мировую общественность, совсем нет. Напротив, мы наложили на публикации по воздухоплавательной теме гриф секретности, как на военные разработки, и пусть наши оппоненты сами догадываются, что бы это значило.

– А на самом деле? – поинтересовался император Михаил. – Насколько я помню, применения воздушных шаров всех типов в военном деле бесперспективно, и даже привязные аэростаты, в первую мировую войну использовавшиеся для корректировки артиллерийского огня, во вторую мировую уже как-то сошли со сцены, уступив свои функции самолетам.

– Все это так, – вместо Антоновой ответил адмирал Ларионов, – да только, помимо всего прочего, нам все же хочется как можно больше узнать о том, что это все-таки такое – Тунгусское диво, и с чем его едят. Поле зрения наблюдателя, находящегося на земле, сильно ограничено, и картину происходящего он наблюдает со значительными искажениями. Взглянуть сверху, как нам представляется, значительно интересней. Поэтому мы решили, что наилучшим способом получить информацию о предполагаемом Тунгусском феномене будет запуск нескольких воздушных шаров-стратостатов. Эти шары поднимутся на высоту в пятнадцать-двадцать километров (то есть гарантированно выше предполагаемой точки взрыва) и

оттуда смогут вести визуальные наблюдения, а также производить фото- и киносъемку. Ведь мы и сами не знаем, что это было, за исключением того, что это точно не был спецбоеприпас любого известного нам типа. Слишком незначителен оказался на месте катастрофы остаточный уровень радиации...

– Ну хорошо, Виктор Сергеевич, – согласился император, – как я вас понял, таким образом вы хотите выдать вашу исследовательскую программу за испытание сверхбомбы. Так?

– Именно так, – подтвердил тот, – событие такого масштаба будет невозможно скрыть, и когда мы организуем утечку сведений по этой части, ни у кого из тех, кто будет заниматься этой проблемой, не возникнет и мысли о том, что мы просто подстроились под природное явление. Ведь сам факт сверхмощного взрыва будет налицо. А потом вы, Михаил, как всероссийский император, заявите, что оказались настолько потрясены ужасной мощностью испытанного оружия, что накладываете запрет на его применение – разумеется за исключением тех случаев, когда под угрозой окажется само существование Российской империи...

– М-да, Виктор Сергеевич, – пожившись, произнес император, – не получится ли так, что мы будем играть с силами, природы которых не понимаете даже вы? Ведь какое счастье, что этот самый метеорит упал в безлюдной сибирской тайге, а не в более населенных местах Европы или России, где количество жертв подобной катастрофы могло быть воистину ужасным...

– Возможно, вы и правы, – согласился с императором адмирал Ларионов, – да только нам не остается ничего иного, как беспрекословно следовать самому известному совету Марка Аврелия. Делай что должно, и пусть свершится что суждено. По крайней мере, один наш долг перед человечеством – это постараться разобраться в том, что там случилось и что вообще собой представляет тунгусский феномен. А второй долг – свести кризис первой мировой к нескольким скоротечным и относительно бескровным конфликтам, после чего сделать так, чтобы на европейской земле больше никогда не начинались войны...

– Хорошо, Виктор Сергеевич, – закрыл дискуссию император, – так мы и поступим. Теперь мне хотелось бы знать, насколько наши армия и флот готовы к предстоящим боям. Вячеслав Николаевич, дайте нам ваше видение этой проблемы.

– Если нашими противниками будут только Австро-Венгрия или Турция, – сказал генерал Бережной, – то можно смело утверждать, что армия к превентивной войне вполне готова. Мобилизационные возможности для того, чтобы быстро придвинуть к границе части постоянной готовности, тоже имеются. В случае войны с Австро-Венгрией мы можем обойтись даже без помощи германской армии. Стрелять, окапываться и ходить в атаку русские солдаты умеют. Артиллерийские части, прошу прощения за тавтологию, частично перевооружены на новые образцы, а для трехдюймовок имеется достаточное количество фугасных гранат, отсутствие которых сильно сказывалось во время прошлой войны. И все-таки к затяжной войне мы совершенно не готовы; в случае если операция не завершится за два-три месяца, армия начнет испытывать дефицит буквально во всем. Запасов на складах для длительной войны у нас недостаточно, а уровень развития промышленности не позволит снабжать армию прямо с колес.

– Да уж, Вячеслав Николаевич, – протянул Император, – так, значит, наш план поэтапного разгрома врагов по факту является авантюрой?

– И да, и нет, – уклончиво ответил генерал Бережной, – ведь мы с самого начала хотели избежать затяжной войны с большим количеством жертв и строили свой план на быстрых операциях, которые завершатся нашей победой раньше, чем хоть кто-нибудь осознает происходящее. Три года изнурительных учений принесли результат. Сейчас русская армия является самой подготовленной на континенте и вполне способна разгромить австрийцев в нескольких стремительных операциях. Я просто хотел вас предупредить, что не стоит осложнять эту операцию разными заранее не запланированными действиями, ибо результат в таком случае может оказаться воистину непредсказуемым.

– Хорошо, Вячеслав Николаевич, – ответил император, – я вас понял. Будьте уверены – никаких неожиданностей не будет, за это не беспокойтесь. Я хорошо помню ваш урок о том, что сражения надо выигрывать, а не затягивать, и всецело согласен с вами в этом вопросе. Надеюсь, вы, с вашими талантами, сумеете справиться в оговоренный срок, так, чтобы нам не пришлось обращаться за помощью к германцам?

– Я? – удивленно переспросил Бережной, переглянувшись с адмиралом Ларионовым.

– Да, вы, Вячеслав Николаевич, – подтвердил император Михаил, – а кому я еще могу доверить такое дело? Куропаткину, что ли? или тому выводку Никиных балбесов, которые в вашем прошлом вдребезги просрали ту же Первую Мировую? Из добрых генералов: Линевиц стар и совсем плох, Кондратенко – фортификатор и гений обороны, а Брусилов – пока всего лишь командир кавалерийской дивизии и не имеет опыта руководства крупными соединениями. Вы же из четырех рот сначала сколотили боевую бригаду, а потом, когда потребовалось, быстро развернули ее в корпус. Вы у нас пусть не автор, но хотя бы носитель идеи молниеносной маневренной войны, когда войска громят противника быстрее, чем тот опомнится. Так вы всему этому меня учили, разрабатывали планы боевой подготовки и правили наш боевой устав – и теперь вам по этому вопросу и карты в руки, воплощать теорию в жизнь.

– Хорошо, Ваше Величество, – вздохнул Бережной, – я выполняю ваш приказ и возьму на себя руководство операцией против Австро-Венгрии. Да только потом будут говорить, что вы назначили меня на это дело только потому, что я ваш зять. И, кстати, что будет с моим корпусом – ведь я не смогу одновременно командовать и им, и фронтом?

– Ерунда, Вячеслав Николаевич, – махнул рукой Михаил, – не так важно то, что о вас будут говорить при назначении, как то, что о вас скажут после войны. А я уверен, вы меня не подведете. Что же касается вашего корпуса, то с ним мы поступим просто. Возьмете его себе в качестве ударного соединения, а на непосредственное командование его войсками поставьте своего заместителя. Думаю, он справится. Я, собственно, собрал вас в этом кабинете только для того, чтобы сообщить, что Вячеслав Николаевич принимает командование над сухопутными силами на австрийском фронте, а Виктор Сергеевич координирует действия морских сил... Вы все это планировали – вам и карты в руки.

На этой оптимистической ноте встреча завершилась, и Посвященные в некотором обалдении встали из-за стола. Инициатива оказалась наказуемой через исполнение всего задуманного в полном объеме. Остаться император попросил только подполковника Османова – к нему у самодержца был отдельный разговор.

Пять минут спустя, там же.

Император Михаил и подполковник Мехмед Ибрагимович Османов.

– Ну-с, Мехмед Ибрагимович, – сказал император, когда прочие Посвященные вышли, – давно хотел поговорить с вами, так сказать, по душам. И не только как с моим верноподданным, офицером и дворянином, но и как с правоверным магометанином, коих в моем окружении немного.

Подполковник Османов бросил на императора быстрый взгляд и как бы исподволь спросил:

– А что, ваше императорское величество, вы имеете что-то против магометан?

– Да нет, Мехмед Ибрагимович, – усмехнулся император, – если эти магометане будут похожи на вас, то против них я ничего иметь не буду. Проблема только в том, что далеко не все из ваших единоверцев лояльны по отношению к Российской империи.

– В каждом стаде есть паршивые овцы, – ответил полковник Османов, – к тому же не все ваши подданные даже православного вероисповедания одинаково лояльны к Российской империи. Многие едят русский хлеб и при этом держат фигу в кармане, в то время как правоверные почитают таких хуже чем за собак. Неблагодарного пса, один раз укусившего кор-

мещающую его руку, пристреливают без всякой пощады. Если говорить конкретно, то достаточно вспомнить Грузию, Украину и Молдавию, где в нашем прошлом сразу же после краха в России монархии во всю мощь развились националистические движения, требующие отпадения этих окраин от российского государства.

– Точно такие движения, – кивнул прохаживающийся по библиотеке император, – в нашем прошлом после отречения моего несчастного брата развились в лютеранских Великом Княжестве Финляндском и Прибалтийских губерниях, григорианской Армении, магометанских Азербайджане и Туркестане. И даже в Сибири некоторые горячие головы мечтали о том, как хорошо было бы им стать во главе независимого государства, какой-нибудь Омской Директории. Тут, однако, вопрос не в вероисповедании, а в неправильной работе с национальным вопросом. Тут надо делать так, чтобы в Российской империи, как говаривал мой прадед Николай Павлович, не было ни эллина, ни иудея, а были бы только верноподданные и скверноподданные. Не стоит забывать и о том, что о своих независимых царствах, княжествах, ханствах и эмиратах подобным мечтам предается в основном не просто народье, в поте лица добывающее свой хлеб, а разного рода люди образованные и даже привилегированные, составляющие местную национальную интеллигенцию, а также купечество и дворянство. Это им кажется, что русские, так сказать, оккупанты в чем-то их ущемили и унизили, лишили права безвозбранно господствовать над собственным просто народьем и драть с него три шкуры.

Немного подумав, Михаил добавил:

– Хотя, наверное, отчасти вы правы: для православных, которые в Российской империи составляют привилегированный слой населения, такие сепаратистские мечтания выглядят совсем уже неприлично. Это все равно что заниматься рукоблудием, когда рядом в постели лежит изнаывающая от страсти красавица жена. Видимо, не все тут решает декларируемое вероисповедание... Поэтому зачинщики и пропагандисты таких мечтаний должны проходить по вашему с Александром Васильевичем ведомству (ГУГБ), а Нам, императору Михаилу Второму, необходимо вплотную заняться национальным вопросом. А то в свое время армянские погромы в Баку удалось предотвратить только ценой экстраординарных усилий. Но, опять же, займемся мы этим позже. Сразу, как только позволит грядущая война, которая накатывается на нас подобно прибывающему скорому поезду*.

Примечание авторов: * император Михаил намекает на первый фильм братьев Люмьер «Прибытие скорого поезда», от которого непривычная к таким зрелищам публика, бывало, даже сигала со стульев.

– А вы обратитесь к товарищу Кобе, – с легкой улыбкой сказал императору подполковник Османов, – он специалист, он поможет. Как-никак в нашем прошлом он несколько лет был наркомом национальностей и немало поспособствовал тому, чтобы этот злокозненный вопрос перестал быть болезненным и животрепещущим...

– Но в итоге, – император вернул улыбку своему визави, – ваш Советский Союз распался все же по национальным границам, проведенным в соответствии с желаниями известных нам товарищей. Историю вашего будущего мне преподавала Нина Викторовна, и сделала она это хорошо. Одним словом, тут надо думать, чтобы не перегнуть палку ни в ту, ни в другую сторону. Главенство русского народа, как основной национальности Империи, должно остаться незыблемым. И в тоже время прочие национальности не должны быть ущемлены в своих правах, и, самое главное, им требуется создать побудительный стимул к изучению русского языка. Как говорил мой ПапА: «хочешь стать русским – будь им». И эта программа должна осуществляться вне зависимости от вероисповедания моих подданных, которое вовсе лежит в другой плоскости.

– Согласен с вами, ваше величество, – после некоторых раздумий произнес подполковник Османов. – Если не проводить программу русификации вовсе, то Империя рано или поздно развалится по национальным границам, а если проводить ее в жестком принудительном

порядке, то Россия превратится в ту самую тюрьму народов, которой пугают мир западноевропейские либералы, и издержки от сопротивления этой политике будут значительно больше, чем плюсы от ее реализации.

– Все это так, Мехмед Ибрагимович, – кивнул император, – но сейчас я хочу сменить тему и поговорить с вами о предстоящей операции в Проливах. Вы же совсем недавно вернулись из Константинополя, где побывали по делам службы, и я хотел бы знать ваше мнение о современной нам Турецкой империи...

– Знаете, ваше величество, – после некоторых раздумий сказал Османов, – мне сложно ответить на этот вопрос в целом. С военной точки зрения, при противопоставлении вооруженным силам Российской Империи османская армия и флот выглядят вполне серьезно. В первую очередь надо отметить всеобщую воинскую повинность для всех мусульман, что дает возможность в случае войны комплектовать по-настоящему массовую армию. Кроме того, на достаточную высоту поставлена подготовка офицерского состава для турецкой армии, которая производится при помощи иностранных специалистов, в основном немцев. Турецкие офицеры – это единственные по-европейски образованные люди в Османской империи. Каждый из них владеет каким-либо из иностранных языков: английским, немецким, итальянским, французским или русским. Я инкогнито беседовал с некоторыми из них, и теперь понимаю, почему они десять лет назад с такой легкостью разгромили греческую армию. В Проливах и на подступах к столице (Чаталжинский оборонительный рубеж) немецкие специалисты постоянно совершенствуют оборонительные сооружения, оснащенные настолько хорошо, насколько это возможно современной артиллерией. Правда, в последние два-три года кайзер Вильгельм ощутимо сократил свою деятельность на турецком направлении, и теперь место немцев в качестве инструкторов все больше занимают англичане и французы. Но это почти не меняет общей картины, и лобовой штурм Проливов со стороны Черного моря при отсутствии мощной воздушной поддержки и качественного усиления Черноморского флота можно счесть авантюрой. Его величество султан Абдул-Гамид вкладывает собранные с народа деньги в три вещи: в армию, защищающую его государство, в полицию, которая защищает его правление, ну и, разумеется, в себя, любимого.

Немного помолчав (император терпеливо ждал) подполковник Османов добавил:

– В остальном дела в Османской империи чрезвычайно плохи. Финансы находятся в хаотическом состоянии, пути сообщения из рук вон плохи, сельское хозяйство, промышленность и торговля в упадке, государственное управление находится в далеко неудовлетворительном состоянии. В противоположность армейским офицерам, гражданские чиновники совершенно невежественны, деспотичны и продажны. Ни одного дела, даже насквозь законного, нельзя совершить без взятки, и в то же время за взятку можно обойти любой закон. Для сбора налогов, как в средние века, используется система откупов, и только половина собранных с населения денег доходит до казны. Бывают моменты, когда из-за недостатка денег в казне не финансируются даже самые необходимые статьи расходов, а офицеры и чиновники по полгода не получают жалования, которое к тому же по большей части выдается не золотом, а обесцененными ассигнациями, а значит, в половинном объеме. При этом полиция свирепствует. Ни один подданный султана, без различия своей национальности и вероисповедания, не защищен от того, что однажды ночью он будет бессудно схвачен и запытан до смерти по самому незначительному поводу. Печать почти уничтожена, ибо требования цезуры чрезвычайно завышены. За каждым печатным или даже устным словом тайная полиция видит признаки крамолы, за которую людей хватают без пощады; поэтому большая часть образованных и мыслящих людей, за исключением армейских офицеров, находятся в эмиграции. Если жизнь мусульманского населения турецкой империи так тяжела, то положение христиан и вовсе невыносимо. В силу этого Турцию постоянно потрясают восстания, которые подавляются с нечеловеческой жестокостью. Сейчас на очереди восстание в Македонии, которое достигнет своего пика к лету этого года. В

то же время турецкая армия, являющаяся по факту главной опорой султанского трона, переживает процесс брожения. Офицеры, которые по праву считают себя лучшей частью турецкого общества, видят, как султанский режим буквально съедает страну изнутри, разоряя и уничтожая все, к чему успевает прикоснуться. Пройдет еще совсем немного времени – и эти люди, называющие себя младотурками, взбунтуются, откажут султану Абдул-Гамиду в своей преданности, после чего свергнут его с трона, установив в качестве номинального конституционного монарха его брата Мехмеда. Но, несмотря на все их самые лучшие намерения, я не могу сочувствовать этим людям, потому что, придя к власти, они проиграют все войны, которые начнут, а в отместку продолжат политику резни христианского населения. Геноцид армян, который прекрасно был известен в нашем мире – он, кстати, тоже на совести этих демократических, общечеловечных и неполживых лидеров со светлыми лицами.

– Ну-с, Мехмед Ибрагимович, – спросил император, дождавшись прекращения дозволенных речей, – и какой вывод можно сделать из сказанного вами?

– А вывод, ваше величество, прост, – ответил Османов, – необходимо в одном флаконе совместить младотурецкую революцию и первую балканскую войну, при этом используя все возможное влияние для того, чтобы победители не передрались между собой. Россия должна вмешаться в боевые действия только на завершающем этапе, чтобы превратить поражение турецкой армии в полный разгром, что позволит ликвидировать больное турецкое государство в его нынешней форме, преобразовав в вассальный по отношению к Российской империи эмират*...

Примечание авторов: * читайте цикл романов «Путь в Царьград», где тот же Османов реализует аналогичную политику в 1877-78 годах.

– Ох, и воплей будет... – в сердцах вздохнул император и снова оборотился к Османову. – Мехмед Ибрагимович, вывод вы, конечно, сделали, с моей точки зрения, правильный, но скажите, что вас, турка по национальности, подвигло к такой смелой мысли о необходимости уничтожения нынешнего турецкого государства?

– Ваше величество, – ответил подполковник Османов, – во-первых – я знаю, что у оттоманской порты нет перспективы в будущем. Если мы сейчас упустим подходящий момент, то это государство промучается еще десять лет, мучая все населяющие его народы, а потом издохнет в страшных муках, пролив при этом море крови. И вся эта кровь будет и на наших руках, потому что мы могли пресечь это безобразие, но не сделали этого. Во-вторых – я руководствуюсь интересами самого турецкого народа, которому гораздо спокойнее и сытнее будет жить под скипетром вашего величества или в вассальном вам государстве, чем претерпевать те муки, которые ему отвела история в нашем прошлом. Если у нас есть возможность вскрыть этот нарыв, мы непременно должны это сделать, тем более что в случае успеха у наших основных противников англичан теряется шанс спровоцировать развязывание полномасштабной общеевропейской войны, которая имела место в нашей истории.

– Спасибо, Мехмед Ибрагимович, утешили, – хмыкнул император, – в целом вы во всем правы, но тут надо учесть, что на Македонию, входящую ныне в состав Турции, претендуют одновременно сербы, болгары и греки, в силу чего будет сложно сделать так, чтобы они в итоге не передрались за нее между собой. В Болгарии, которая пока еще только княжество под формальным вассалитетом той же турецкой империи, уже бродят подспудные идеи о будущей Болгарской империи, а это совсем не то, что будет способствовать миру на Балканах.

– В принципе, ваше величество, – ответил Османов, – своеволие братьев наших меньших – вопрос вполне решаемый. Неужели вы, с вашим авторитетом, не сможете заставить их вести себя прилично и не ссориться в песочнице из-за игрушек?

– Конечно, смогу, – со вздохом ответил император, – но ведь противоречия от этого никуда не денутся. В силу главенствующего положения России я смогу разделить между ними спорные территории по своему усмотрению, максимально стараясь соблюсти справедливость.

Но при этом каждая из этих трех стран будет считать, что ее обошли при дележе, и рано или поздно этот конфликт прорвется вновь, пусть даже уже и не при моем правлении. Ну да ладно. Скандалов бояться – земель не делить. Я вам сейчас хочу сказать еще одну вещь, да только вы постарайтесь перенести ее спокойно. Дело в том, что я попросил вас задержаться не столько для того, чтобы провести этот малозначащий разговор, ибо схожая информация была у меня и из других источников. Совсем нет. Я просто хотел понять, что вы за человек и каково ваше отношение к себе и людям, потому что именно ваша кандидатура намечена мной на будущую должность Константинопольского Наместника. Генерал-лейтенантский чин, княжеское Российской империи достоинство и место в Госсовете при этом прилагаются. Именно вам, в случае согласия с моим предложением, придется принимать это город и окрестности от штурмующих войск, брать на себя заботы его жителей, мирить христиан и магометан, врачевать общественные раны, формировать администрацию наместничества и делать так, чтобы Российская империя плотно, двумя ногами, встала в Черноморских проливах. Ну что, Мехмед Ибрагимович, вы согласны на мое предложение или необходимо поискать другие кандидатуры?

В тот момент когда император сделал подполковнику Османову это предложение (из ряда тех, от которых нельзя отказаться), лицо у того закаменело как у египетского сфинкса, превратившись в непроницаемую маску, через которую были не в состоянии пробиться никакие эмоции. Так, в полной тишине прошли минута или две, на протяжении которых император терпеливо ждал. Потом, видимо, приняв решение, подполковник утвердительно кивнул.

– Да, ваше величество, – сдержанно сказал он, – я приму ваше предложение и приложу все возможные усилия к тому, чтобы оправдать ваше доверие. Такая должность – это очень большая ответственность, как перед вами и Россией, так и перед людьми, что населяют этот древний город.

– Ну и хорошо, Мехмед Ибрагимович, – облегченно вздохнул Михаил. – Вам-то, в отличие от почтеннейшей публики, не надо объяснять, что проливы – это не блажь, что должна облегчить нашу торговлю зерном, а насущная необходимость, которая позволит вместо растянутой обороны протяженного черноморского побережья оборонять узкое горло Дарданелл и Босфора. Экспорт зерна или иных товаров через Проливы при этом вторичен. Сегодня он есть, а завтра начнется война и в Проливах – и придется драться насмерть для того, чтобы защитить Одессу, Николаев, Севастополь, Керчь, Новороссийск, Ростов и прочие русские города. Поэтому власть ваша в Константинополе должна быть твердой, но доброй. Впрочем, вы не хуже меня знаете, что вам делать. И, самое главное, помните – пусть в Европе говорят что хотят, а для меня впереди всего находятся именно интересы России.

– Я это знаю, ваше величество, – кивнул Османов, – и разделяю ваши устремления. На сем позвольте откланяться. Мне надо хорошенько обдумать сказанное вами, чтобы наилучшим образом подготовиться к выполнению вашего поручения.

– Ступайте, Мехмед Ибрагимович, – согласился император, – и действительно все хорошенько обдумайте. Жду вашего предварительного доклада на эту тему, ну, скажем так, дней через десять – и вот тогда мы еще раз все обговорим уже значительно подробнее.

Подполковник Османов ушел, а император еще долго стоял и смотрел в окно. Вроде все правильно, и для выполнения такого сложного задания нужен особый человек с чистой репутацией, непререкаемым авторитетом, а также знакомый с обычаями местного населения, а все равно на душе было как-то беспокойно. А потом Михаил понял, в чем дело. Если до этого он вел страну, пусть и отклонившись от естественно сформировавшегося хода истории, но, так сказать, параллельным курсом (внутренние изменения в России не в счет), то теперь предстояло совершить крутой разворот и направиться вообще нетереными тропами.

И при этом еще неизвестно, как в итоге поведет себя кайзер Вильгельм, когда вникнет в русские планы на Балканах, какова будет реакция Британии (а что она будет, это и к гадалке не ходи). И хоть в строю у Ройял Нэви всего один «Дредноут», построенный в единичном

экземпляре, этот единичный экземпляр будет стоить целой эскадры русских или германских эскадренных броненосцев; а если британское адмиралтейство усилит этот единичный корабль новейшими «Дунканами», то превосходство в линейном сражении, даже против объединенной русско-германской эскадры, может остаться на британской стороне. Правда, еще есть особая эскадра адмирала Ларионова, но задействовать ее все совершенно не хочется. Технический ресурс кораблей из будущего не безграничен, а поддержание их в дееспособном состоянии – это отдельный вызов для российской промышленности, который, конечно, вынуждает ее развиваться не по дням, а по часам, но пока все это еще очень и очень дорого.

На этом фоне всего одна бригада русских рейдеров в качестве причины, удерживающей Британию от войны, выглядит крайне несерьезно. Почувствовав, что они утрачивают контроль за ситуацией, британцы могут решить потерпеть потери (три рейдера, даже самых совершенных, не смогут полностью прервать их торговлю), но наказать своих главных врагов за прошлые унижения. И вот тогда придется, несмотря на издержки, пускать в ход все возможности эскадры адмирала Ларионова. Тунгусский метеорит, если это явление правильно подать мировому сообществу – вот единственное средство, способное остудить пыл джентльменов настолько, чтобы они замешкались и упустили самый удобный момент вмешаться в войну.

Но медлить тоже нельзя. Дальше будет только хуже. Через полтора года у англичан войдут в строй еще три корабля того же класса, что и «Дредноут», еще три корабля будут готовы весной десятого года, а дальше – по одной бригаде из трех кораблей каждый год. Правда, в тринадцатом году, когда германцы введут в строй свои «Мольтке» ситуация изменится, но превосходство на море все равно останется за Британией. Впрочем, о том, что произойдет в двенадцатом, году в таких подробностях думать преждевременно, так как сначала требуется решить ближайшие задачи, и лишь потом браться за дальнейшие.

12 февраля 1908 года. Утро. «Генеральская» квартира в доходном доме на Невском. Детская.

Некогда принцесса Виктория Великобританская, а ныне Виктория Эдуардовна Ларионова, вице-адмиральша и человек, посвященный в особо важную тайну.

Каждое мое утро начинается с того, что я, едва проснувшись, иду в детскую, что примыкает к нашей с мужем спальне. Если Лизонька еще спит, то я сажусь около кровати и долго смотрю на мою малышку, на моего милого ангела... При этом губы мои шепчут слова благодарности Господу; я всем существом своим ощущаю звенящую трепетную радость, не сравнимую более ни с чем. Радость эта льется сквозь меня, омывает мою душу животворным сиянием, и кажется, что вот-вот вырвется она наружу – и, не стесненная ничем, устремится к небесам подобно белокрылой птице...

Сегодня солнечное и морозное утро, на окне детской комнаты расцвели дивные, фантастические узоры... Здесь тепло и уютно, и убранство в нежно-голубых тонах призвано дарить покой и умиротворение. Все здесь именно так, как и должно быть в комнате маленькой феи; я и мой адмирал с любовью обставляли эту комнату, продумывая каждую мелочь...

Моя доченька, мой светлый ангел, сладко посапывает, подложив по щечку кулачок. Ну в точности как ее папа... Крупные кольца светлых волос обрамляют ее личико... Разрумянилась во сне... Спящая, она особенно похожа на ангелочка. Она прекрасна... Неужели я могла произвести на свет такое чудо? Милая, родная, сладкая моя девочка! Щежит в груди от невыносимой нежности... Склоняюсь над кроватью, прислушиваясь к дыханию моей драгоценной малышки... Вот она вздохнула и... улыбнулась во сне. Улыбка спящего ребенка! Что может быть светлее и отраднее для сердца матери? Что еще способно умилить ее до слез? “Храни тебя Господь, дитя мое... – шепчу я, – пусть будет благословен твой сон... Пусть радостным будет пробуждение... И да минуют тебя болезни, и не коснется тебя печаль, и счастливою будет судьба твоя...”

Доченька понемногу просыпается. Она ворочается, ее веки подрагивают. И вот она открывает глазки... Смотрит на меня несколько мгновений, пока еще затуманенным от сна взглядом – и вот радостно улыбается, протягивая ко мне ручки.

И начинаются счастливые хлопоты... Конечно же, у нас есть няня, но я стараюсь побольше времени проводить со своей малышкой. Это доставляет мне ни с чем не сравнимое удовольствие. Ей два года, и она такая смешная! Бесконечно интересно общаться с ней, играть, видя, как быстро она всему учится, как развиваются ее навыки. Да и мой адмирал, надо сказать, не обделяет доченьку вниманием. Несмотря на занятость, он использует каждую свободную минуту, чтобы поиграть с ней, и нет на свете более нежного и заботливого отца. Он, как и я*, очень поздно обрел свое семейное счастье, это произошло только тогда, когда он фактически дожил до седых волос, и именно поэтому он с такой нежностью относится к нам с Лизонькой. Мои милые девочки, – так он нас называет нас; и тогда я чувствую себя, будто я снова юная девушка, нежная, словно распускающийся бутон розы.

Примечание авторов: * В версии реальности царя Михаила II Лютого Виктория Великобританская вышла замуж в возрасте тридцати семи лет, и это фактически был ее последний самолет на материк. В нашем прошлом она до конца жизни так и осталась незамужней, чему способствовала эгоистическая позиция ее матери и отсутствие в Европе подходящих по духу и статусу женихов.

Я знаю, что там в том мире будущего у моего мужа осталась женщина, и он очень не любит о ней вспоминать, постоянно отмахиваясь от меня, когда я начинаю задавать ему неудобные вопросы. Единственное, что приносит мне облегчение, это то, что расстались они еще задолго до того, как мой муж попал в наш мир и познакомился со мной. К тому же тот брак был заключен только перед людьми, но не перед Богом, и с точки зрения нынешних законов считается недействительным, даже если забыть о более чем столетней пропасти, разделяющей два наших мира. Когда я расспрашиваю его об этой женщине, он отвечает крайне уклончиво, но, несмотря на это, я понимаю, что в их отношениях даже близко не было такой идиллии, какая есть сейчас между нами. Я и Лизонька – два светоча его сердца, я и есть его настоящая жена. И даже имена у нас одинаковые. Виктор и Виктория – будто мы с самого начала были предназначены друг другу.

Мы часто ходим в гости к Ольге и генералу Бережному, и всякий раз кузина встречает меня словами: «Ты все хорошеешь и хорошеешь, дорогая!». Да я и сама вижу, насколько изменилась моя внешность с тех пор, как я в первый раз стала матерью. Роды явно пошли на пользу моему организму и моему телу, которое давно жаждало стать сосудом для новой жизни. Так хорошо и легко я еще никогда себя не ощущала. Во мне теперь кипела энергия, и за все дела я бралась с энтузиазмом и вдохновением.

Моя Лизонька любит играть с Ольгиным сыном; Сережа – веселый, заводной ребенок, копия своей мамы. Говорят, что если сын походит на мать, а дочь на отца, то быть таким детям счастливыми. Ну, наша малышка, конечно же, больше в папочку, это все замечают. Такая же плотная и чуть косолапая, с темно-русыми волосами и серыми глазами.

А вот у трехлетнего Александра, сына кузена Майкла и императрицы Марии Владимировны (до замужества японской принцессы Масако), внешность и вовсе необычная. Сам Саша белокожий и светловолосый, да только лицо его скуласто, голубые глазки чуть раскосы, и носик маленький, точь-в-точь как у мамочки. В семье его зовут Маленьким Самураем и собираются воспитывать как настоящего мужчину, в соответствии с традициями обоих народов. Майкл говорит, что он списался с православным епископом Японии Николаем и тот обещал подобрать его сыну дядьку, православного японца-самурая (теперь бывают и такие), чтобы тот обучил его необходимым премудростям. Да, судя по всему, всем нашим деткам предстоит быть счастливыми... И тем, кто уже родился, и тем, кто еще появится на свет. Уверена, что у Лизоньки будет еще много братьев и сестер – и родных, и двоюродных-троюродных!

Между прочим, императрица снова уже носит небольшой животик... Что ж, ей уже пора и второго на свет произвести, времени после первых родов прошло достаточно для того, чтобы организм восстановил свои силы. На этой паузе, не меньше двух лет, настоял кузен Майкл, который заявил, что его жена не будет похожа на родильную машину. Она просто очаровательна, эта молодая японочка. Со мной и с Ольгой она всегда любезна и приветлива, правда, при этом чересчур застенчива. Между собой мы зовем ее Мари. Она уже прекрасно владеет русским языком, изъясняясь на нем с едва уловимым смягчающим звучание акцентом, из-за чего речь ее звучит очень мило (сама же я, как мне кажется, за три года научилась достаточно чистому произношению, и теперь люди не улыбаются, когда слышат мою русскую речь). Впрочем, я с самого начала могла общаться с ней по-английски, ибо моему родному языку детей императора Японии обучали чуть ли не с рождения.

Кажется, кузен Майкл без ума от своей очаровательной супруги. Мой адмирал говорил, что в их мире японки считаются самыми красивыми женщинами среди остальных. Да, есть в нашей Мари некая изюминка, с этим не поспоришь. Эта ее неискоренимая манера ходить мелкими шажками, слегка наклонять голову при разговоре, плавность, медленность движений – конечно же, все это несет на себе легкий отпечаток экзотики, придавая ей неповторимую прелесть... Впрочем, невозможно отрицать, что она вполне успешно освоила все манеры, подobaющие супруге русского императора, и на приемах и других официальных мероприятиях ведет себя вполне по-европейски. Но стоит ей остаться среди своих, и перед нами снова скромная японская жена, удел которой – вести хозяйство, воспитывать детей и во всем угождать своему мужу.

Что же касается меня и моего адмирала, то мы тоже как раз сейчас прилагаем особые усилия к тому, чтобы у Лизоньки появился братик или сестричка. Муж еще не знает (такие вещи поначалу всегда держатся от мужчин втайне), но я почти уверена, что скоро порадую моего любимого еще одним сыном или дочкой. Внешних признаков еще нет, но я-то чувствую, что уже неспроста. Вот и воплощаются мои мечты... Сколько Бог даст – всех рожу! Впрочем, муж мой относится к этому вопросу более рационально. Он бережет меня и не желает, чтобы мой организм изнашивался раньше времени от слишком частых родов... Тем более мне уж скоро исполнится сорок. Подумать только! Сорок – это много... но я совсем не ощущаю своего возраста. Мне кажется, что мне не больше двадцати пяти... И порой даже хочется дурачиться, словно в юности. Это, наверное, происходит оттого, что я безмерно счастлива с моим адмиралом и нашей маленькой дочкою...

Да и воздух здесь, в России, какой-то особенный. Кузен Майкл в мире считается самым деспотичным правителем, за исключением, разумеется, южноамериканских диктаторов, которые по сути просто макаки, но люди тут чувствуют себя значительно свободнее, чем в той же Британии, Франции или Германии. В своей эйфории от этой страны я даже не могу поверить, что когда-нибудь состарюсь. Когда я поделилась этими мыслями с Ольгой, я ожидала, что она начнет подшучивать надо мной, но вместо этого она порывисто обняла меня и сказала: «О Тори, дорогая... Ты знаешь, и мне тоже кажется, что я навсегда останусь молодой и буду жить вечно! Разумом понимаю, что этого не может быть, а вот душа твердит свое... Так, может быть, это душа у нас с тобой вечно молодая? И пока мы любимы своими мужьями, мы не превратимся в старушек? Это все любовь, Тори... Понимаешь? Любовь – вечный источник жизни. И на самом деле нам столько лет, на сколько мы себя чувствуем...»

Но я не забываю и о том, что все мое семейное счастье – это всего лишь маленький теплый островок в бушующем и холодном внешнем мире. Я же тоже читаю газеты (и русские, и английские), а также слушаю разговоры, которые, собираясь вместе, ведут наши мужчины. Иногда в гости к моему адмиралу приходят его сослуживцы, и тогда, в присутствии этих суровых мужчин, от которых пахнет морем и смертоносным железом, мне сразу становится неуютно. Ведь моя Родина (недаром же мой титул звучит как «принцесса Виктория Великобританская»)

является их основным вероятным противником, и все их разговоры вертятся вокруг того, как бы в случае войны убить побольше британских моряков. Я знаю, что они не виноваты и всего лишь защищают свою страну... Как мой любимый отец ни старался переломить тенденции на вражду с Россией, заложенные еще во времена королевы Виктории, но пока у него ничего не получается. Великобритания, как разогнавшийся под уклон паровоз, летит прямо навстречу разверзнувшейся пропасти. И хоть кондуктор (мой отец) и дернул ручку экстренного торможения, машинист и его помощник-кочегар не обращают на это никакого внимания, продолжая подбрасывать в топку уголь.

Война буквально витает в воздухе. Британия торопливо достраивает новые линкоры-дредноуты, надеясь задавить своих противников массой брони и тяжестью артиллерийских залпов, но я-то знаю, что в противоборстве дубины и рапиры всегда выигрывает рапира. Ответ России на объявление войны будет внезапным, стремительным и неотвратимым, ведь этим занимаются мой муж и его товарищи, один раз уже сломавшие хребет Японской империи. Из писем отца я знаю, что британские адмиралы, опьяненные фимиамом бывшего морского могущества, готовятся наказать Континентальный союз за дерзкое поражение при Формозе. Ради того, чтобы сделать британскую морскую мощь непререкаемой, в спешное строительство линкоров-дредноутов вкладываются огромные деньги, в конечном счете, извлеченные из кошельков британских налогоплательщиков. Но хуже всего, что о подготовке Британии к грядущей войне знаю не только я, но и адмиралы Континентального Альянса. Тут тоже на верфях кипит бурная жизнь и на воду один за другим спускаются новейшие корабли. Мой муж говорит, что, несмотря на то, что местные инженеры не все новшества смогли воспроизвести в полном объеме, британские линкоры по сравнению с этими стремительными крейсерами-рейдерами – это позавчерашний век. Убийцы торговли, воплощенный ужас британского владычества на морях, стремительные и хорошо вооруженные, они даже выглядят не так, как создания местных корабельных инженеров. Если понадобится, такой крейсер-рейдер, взяв топлива в перегруз, на одной заправке мазутом сможет пройти от Петербурга до Владивостока через мыс Горн.

Господи, спаси Британию, в первую очередьними с ее глаз шоры и верни ей разум! Мой муж говорит, что, ослепленные ненавистью к России, наши британские элиты не замечают, как у их страны земля буквально уходит из-под ног. Триста лет колониальной экспансии не прошли для моей Родины даром. Лучшие из лучших погибли, сражаясь за гегемонию Британии на морях. Другие эмигрировали в заморские колонии: Северную Америку, Южную Африку, Индию, Австралию и Новую Зеландию, и дети эмигрантов уже не считают себя англичанами. Теперь это американцы, южноафриканцы, австралийцы и новозеландцы. И только из Индии, где власть британской короны держится исключительно на штыках, наши соотечественники после завершения службы изъявляют желание вернуться к родным зеленым холмам. Старая Добрая Англия медленно умирает, потому что ее лучшие сыновья и дочери уходят навсегда, и даже их дети не вернутся к родным очагам. То ли дело русские. Они распространяются в пределах одного материка, в климате, сходном с их родными местами, и поэтому переселенцы на новые места даже в мыслях не отделяют себя от России. Куда бы они ни приехали – они везде остаются русскими, и их расселение по Евразии не ослабляет, а усиливает Россию.

Я уже знаю, куда приведет этот путь и во что превратится моя любимая Британия через сто последующих лет, и это знание терзает мою душу. Если сейчас Британия – это пожилая леди, еще полная сил и крепко стоящая на ногах, то через сто лет она превратится дряхлую полусумасшедшую старуху, которая едва ковыляет, опираясь на палку, и мочится прямо на пол в гостиной, потому что забыла, в какой стороне клозет. Мой муж не стал скрывать от меня этой информации, лишь проронив, что я вправе попробовать изменить хоть что-нибудь в той мрачной судьбе, которая ждет мою страну. И если я хочу это сделать, то начинать надо прямо сейчас. Надо написать отцу, чтобы он любой ценой постарался оберегать нашу страну от войн. Ведь гибнут на войне в основном молодые и еще не имеющие детей, а для уже ослабленной

Британии это будет смертельная потеря... Еще одна или две серьезных войны – и исход, описанный моим мужем, станет неизбежен. Увы. От таких мыслей я горько плачу...

15 февраля 1908 года. Утро. Гельсингфорс, дальний броненосный рейдер «Гангут».

Лейтенант-артиллерист Исороку Такано (Ямамото)*.

Историческая справка: * *Фамилию Ямамото лейтенант Исороку Такано должен будет получить только в 1916 году, после усыновления этой самурайской семьей. В Японии есть такой обычай – когда при отсутствии в семье детей мужского пола для сохранения фамилии усыновляется подходящий перспективный юноша.*

По мере того как катер все ближе подходил к громаде русского броненосного крейсера, лейтенанта Такано охватывало чувство, похожее на то, которое у коренного японца возникает при созерцании какого-нибудь величественного явления природы – например, покрытой лесом горы, чья вершина прячется в седых облаках. Крейсер, от носа до кормы покрытый типичной «демонической» сине-серо-белой камуфлированной раскраской, выглядел одновременно и грозно и изящно, как присевшая на поверхность вод стремительная хищная птица. Крейсер с надписью «Гангутъ» на баке (носовая часть) и большим белым тактическим номером «013», выведенным белой краской в середине корпуса, выглядел почти как настоящий русский корабль-демон, о которых молодой японский лейтенант знал только из рассказов очевидцев, переживших роковую встречу, но сам никогда не видел их собственными глазами.

При этом Исороку знал, что «Гангут», как и два его брата-близнеца, был построен на верфи в Санкт-Петербурге и не был настоящим кораблем-демоном, вроде тех, что уничтожили японский флот четыре года назад, но все равно при этом он выглядел будто пришелец из другого мира. Девять длинноствольных десятидюймовых орудий, что разместились в трех башнях главного калибра, сконструированных из скошенных броневых листов, олицетворяли огневую мощь корабля, призванного подавлять врага весом своего залпа. Острый «атлантический» форштевень, разрезающий воду подобно ножу, развитый полубак, чрезвычайно удлиненный корпус, а также мощность машин в семьдесят две тысячи лошадиных сил (с форсировкой), говорили лейтенанту Такано о том, что этот крейсер – хороший ходок на дальние дистанции, которому не страшна океанская волна. Но если будет необходимо, то в любой момент он может превратиться в стремительного хищника*, догоняющего жертву и терзающего ее клыками своих орудий.

Примечание авторов: * *дальние рейдеры прерыватели торговли типа «Рюрик-2» были созданы путем глубокой переработки проекта германского тяжелого крейсера-рейдера «Дойчланд», в нашей истории спроектированного и построенного перед второй мировой войной.*

На мгновение юноша остро пожалел, что над этим кораблем развевается бело-синий андреевский флаг, а не «солнце с лучами» японского императорского флота. Но как бы там ни было, ближайшие четыре года, отделяющие молодого человека от поступления в Военно-морской колледж высшего командного состава, будут для него связаны с этим крейсером. Дело в том, что четыре года назад, заканчивая военно-морское училище (Кайгун хэйгакко), мичман Исороку Такано банально опоздал на русско-японскую войну. К моменту, когда молодых офицеров наконец выпустили из стен училища, все уже было кончено. У Японской империи больше не было флота, а были силы морской самообороны, состоящие из номерных миноносцев и мобилизованных рыболовных шхун, превращенных в патрульные корветы. Война была окончена, и молодым японским офицерам вместо славной смерти за императора и страну Ниппон предстояло бороться с контрабандистами и браконьерами, ставшими истинной напастью резко ослабевшей Японской империи. Кто-то скажет «повезло», а кто-то посочувствует юному идеалисту, не успевшему сложить голову за божественного Тенно. Хотя если бы спросили у самого императора Муцухито, он бы замахал руками и сказал: «нет, нет и нет». Японские офи-

церы по возможности нужны ему живыми и здоровыми, а то от мертвецов (которых в последнее время хоть отбавляй) слишком мало проку.

Особо назойливы были американцы, чьи китобойные и рыболовецкие шхуны нередко заходили в прибрежные воды. Но там их уже ждали – и не только мичман Такано и его товарищи. Поскольку, запретив Японии иметь полноценный военно-морской флот, Российская империя взяла на себя охрану ее границ, побережье страны патрулировали корабли русского императорского флота, – они останавливали нарушителей со всей возможной торжественностью (то есть путем выстрела из пушки) и передавали законным японским властям. На этой службе мичман Такано получил лейтенантские нашивки и выучился сносно болтать по-русски.

Так бы он и служил в береговой обороне... Но тут о нем вспомнил кто-то влиятельный, вытащил с мостика патрульного корвета и после этого по обмену кадрами на пять лет отправил служить в русский императорский флот. Там лейтенант Такано первым делом окончил артиллерийскую школу, где чуть меньше чем за год морского офицера широкого профиля превратили в артиллериста и довели его русский язык до приемлемой кондиции. Далее он принес присягу императрице Марии Владимировне и наследнику-цесаревичу Александру Михайловичу, после чего был направлен для прохождения дальнейшей службы на «Гангут», немного удивляясь – с чего бы такое счастье? При этом Исороку понимал, что рейдер – это такой боевой корабль, который долго стоять в гавани не будет. Пусть время пока мирное, но гроза может грянуть в любой момент, и тогда корабль и его команда окажутся в гуще самых головокружительных событий. Время сейчас такое, предвоенное, когда, заслышав шорох в кустах, на звук сначала стреляют из револьвера, а потом пытаются идентифицировать образовавшийся труп. Боевого опыта у юного лейтенанта, вероятно, будет хоть отбавляй.

19 февраля 1908 года. Полдень. Болгария, София, Российская дипломатическая миссия.

Присутствуют:

Министр иностранных дел Российской империи Петр Николаевич Дурново;

Премьер-министр Болгарии Александр Малинов (Демократическая партия).

Русский министр иностранных дел посмотрел на вошедшего в переговорную комнату болгарского премьера, что прибыл в русское посольство инкогнито, и мысленно поморщился. Демократ-с! На свою должность попал не по назначению указом своего государя, а через процедуру так называемых всенародных выборов. А сие значит, что этот человек неизбежно является популистом, перед выборами хорошо умеющим давать плебсу несбыточные обещания, но крайне скупым на их исполнение после того, как бюллетени будут брошены в урны. И этот Александр Малинов – точно такой же демократический деятель. Родился на территории Российской империи в болгарском селе Пандаклий, Бессарабской губернии. Высшее юридическое образование получил в Киевском университете и сразу по получении диплома выехал в Болгарию, делать политическую карьеру. Быстро пошел в гору. Адвокат, прокурор, судья – и вот, наконец, он премьер-министр, а значит, способный и без принципов, умеющий пролезть в любую щель. И хоть такой человек почти идеально подходил для выполнения задания, которое министру иностранных дел Дурново дал император Михаил Второй, все равно к слову «демократ» у того возникало легкое предубеждение.

В Санкт-Петербурге Петр Николаевич довольно часто пересекался то с адмиралом Ларионовым, то с генералом Бережным, то с полковником Антоновой, курировавшей в ГУГБ иностранные дела, и хорошо помнил, с каким несравненным, хотя и беззлобным, сарказмом эти люди отзывались о господствующей в России будущей демократической системе. И дело тут даже не в том, что при такой системе политический курс становится зависимым от мнения невежественных простолюдинов. Там, в России будущего, с ее обязательным средним образованием, эквивалентным курсу реального училища, и этим, как его, телевидением, лезущим

в каждый дом со своим мнением, совсем невежественным нельзя было назвать даже крестьянина из глухого села. Напротив, все там всю знают и думают, что понимают; а потому сколько людей, столько и мнений. На этом фоне становится неизбежной чехарда политических партий, представители которых, манипулирующие мнениями своих приверженцев, на самом деле за время пребывания в стенах парламента решали свои узкомеркантильные интересы. Поэтому выходцы из будущего предостерегали Россию от следования проторенным путем, рекомендуя найти новый путь, позже названный социальным абсолютизмом.

Впрочем, к нынешним болгарским делам Петра Дурново внутривнутриполитический курс Российской империи почти не имел отношения. Император Михаил поставил перед ним задачу сколотить антитурецкий Балканский союз из Болгарии, Сербии и Греции, и сделать так, чтобы после победы над Турцией три этих страны не передрались между собой при дележе добычи. А этот вопрос был особенно сложен, ибо на господство в Балканском регионе претендовала каждая из этих трех стран, не представляющих из себя ничего особенного ни в военном, ни в политическом отношении. Великая Болгарская империя, Великая Греческая империя, Великая Сербия... Правда, у императора Михаила Второго на этот счет было свое мнение – что ничего «великого» в этих трех мелких Балканских государствах нет, а посему их амбиции следует урезать еще до того, как дело дошло до беды.

В первую очередь речь в поручении императора шла о Болгарии. С одной стороны, эта славянская и православная страна граничит с будущим владением России в зоне Проливов и претендует на провинцию Фракия, непосредственно примыкающую к Константинополю; а с другой стороны, самим своим существованием она обязана России и русским солдатам, которые тридцать лет назад пролили кровь в войне за ее освобождение. На Шипке русские солдаты и болгарские ополченцы плечом к плечу отражали натиск турецких аскеров, и если некоторые болгарские политики позабыли о долге крови, совместно пролитой за свободу болгарского народа, то сам этот народ пока еще о нем помнит. Недаром же ни в одной из войн будущего Болгария, входящая в состав враждебных России коалиций, не принимала непосредственного участия в боях против русской армии, ибо правители просто боялись посылать своих солдат на Восточный фронт.

Однако надо помнить и о том, что Болгария для России во все времена была отрезанным ломтем, неудобным чемоданом без ручки, который и тащить тяжело, и бросить жалко. Все дело было в лежащей между ними Румынии. Уже во времена Советского Союза (когда и СССР, и Болгария, и Румыния входили в СЭВ и Варшавский договор) только для того, чтобы не возить грузы через территорию своевольного государства вороватых цыган, между Ильичевском (Одесса) и болгарской Варной была организована прямая железнодорожная паромная переправа. Конечно, для того, чтобы крепче привязать к себе Болгарию, Российская империя могла размахнуться и повторить советский эксперимент, но император Михаил посчитал, что железнодорожной паромной переправы будет совершенно недостаточно. В самом ближайшем будущем, помимо Болгарии, морским путем потребуются снабжать еще и русский эксклав в Черноморских проливах, вместе с таким немаленьким городом как Константинополь.

Налаживание с Болгарией прямого сообщения по суше требовало еще одного переустройства границ, сложившихся со времен достославного Парижского конгресса, а именно – изъятия из состава Румынии провинции Добруджа вместе с портом Констанца и дельтой Дуная, с передачей этих территорий в состав Болгарии. Что по поводу такого переустройства границ подумают в Румынии, императора Михаила интересовало мало. Идея так называемой Великой Румынии, которую следовало построить за счет российской Бессарабии, Одессы и даже Николаева, бродила в головах бухарестского истеблишмента чуть ли не с самого момента формирования этого государства. Так что будет справедливо, что вождедеющие российских территорий теперь сами потеряют свои земли. В Македонии, по плану императора Михаила, Болгария (а не Греция) получит крупный порт Салоники на побережье Эгейского моря, что,

собственно совпадает с желаниями самого Болгарского правительства. Эти изменения границ сделают Болгарское государство самостоятельным в плане внешней торговли, которая перестанет зависеть от режима прохода черноморских проливов. Для Греции Салоники не представляют острой необходимости, ибо таких портов у них еще не один десяток. Им этот порт нужен только в силу желания запереть болгарскую торговлю в угол и пустить товарные потоки через свою таможню, – а таких устремлений император Михаил не разделял. Жадность – плохое чувство и никого не доводит до добра.

Но все эти коврижки Болгария должна получить не за просто так. Император всероссийский – это все-таки не Святой Николай, который кладет подарки детишкам под елку. Нет, только неукоснительное следование Болгарии российским интересам без всякого двурушничества, интенсивное экономическое сотрудничество и тесный военно-политический союз будут способствовать благосклонности Российского императора и реализации этого плана. Но с этим не все так просто. Князь Болгарии Фердинанд Кобург-Готский, хоть и сделал в последнее время несколько шагов навстречу Российской империи, в общем и целом придерживается проавстрийской позиции и считается креатурой Императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа, изверга, душителя славянских народов и ярого русофоба. Даже если Фердинанд и согласится следовать русскому плану, в любой момент может последовать окрик из Вены, после чего развитие событий станет непредсказуемым*.

Примечание авторов: * лично для нас очень загадочен момент с началом второй Балканской войны, когда болгарская армия без объявления войны начала боевые действия против своих бывших союзников по антитурецкой коалиции, и случилось это как раз накануне согласительной конференции в Петербурге, где посредником в территориальном споре должен был выступить русский царь. Болгария тогда начатую ей войну проиграла и потеряла даже те территории, которые входили в ее состав до Первой Балканской войны, а выиграли от этой авантюры Турция, вернувшая себе Фракию с городом Андрианополисом (Эдирне) и та же Австро-Венгрия, заполучившая себе в лице Болгарии дополнительного союзника в Первой мировой войне, грянувшей всего лишь через год после Второй Балканской.

Поэтому князя Фердинанда от власти следовало отстранить, не дожидаясь момента, пока он наломает дров. Чай, для болгар это не в первый раз. Был у них князь Александр Баттенберг, а потом взял да сплыл. Вместо Фердинанда (то еще имечко для православного царя) болгарским князем, в перспективе царем, следует провозгласить его четырнадцатилетнего сына Бориса. Поскольку означенный Борис пока еще несовершеннолетний, до достижения им возраста двадцати одного года Болгарией будет править Регентский совет, который возглавит один из высших российских сановников. Император уже решил, что таким сановником, и по совместительству воспитателем юного князя, станет адмирал Ларионов: во-первых, как пришелец из будущего, который сумеет преподать юному князю основы мировой политики, а во-вторых – как человек, женатый на принцессе Виктории Великобританской (как и Борис, происходящей из рода Саксен-Кобург-Готских). Вторым человеком в Регентском совете должен стать как раз действующий болгарский премьер, перед которым сейчас следовало густо намазать кусок хлеба шоколадным маслом, а потом спрятать этот бутерброд в карман. Ничего – если этот Александр Малинов истинный демократ, он будет есть вкусное прямо с руки у царского держиморды, преданно смотреть в глаза, и при этом ни разу не подавится.

Поэтому, направив на болгарского премьера тяжелый внимательный взгляд, русский министр иностранных дел медленно, расставляя акценты, заговорил, глядя сидящему напротив собеседнику прямо в глаза:

– Нашей разведке стало известно, что в самое ближайшее время в Османской империи произойдут большие неурядицы, которые, скорее всего, приведут к смене формы правления...

При этих словах вроде бы безразличный к собеседнику болгарский премьер насторожился, как охотничий пес, услышавший в кустах подозрительный шорох. Дурново даже показало, что тот втянул носом воздух, будто пытаясь разобрать запах предполагаемой добычи.

– Неустройства? – переспросил болгарский премьер, – А позвольте узнать, какого рода?

– Казна султана пуста, промышленность и крестьянство разорены, торговля фактически остановилась, – веско произнес Дурново. – Замученные притеснениями османских властей христианские подданные султана подняли восстание в Македонии, и отряды повстанцев, увеличивающиеся с каждым часом, действуют все более дерзко. При этом турецкие армия и полиция уже полгода не получали жалования, и их терпение тоже на исходе. Престарелый султан слеп и глух к доводам разума и с увлечением тратит все деньги, содранные с народа сборщиками налогов, только на себя, любимого, и на свой гарем. При этом в армии, которая единственная является опорой его трона, подспудно нарастает недовольство, потому что дальше так жить нельзя. В определенный, не столь уж далекий момент, как учит нас господин Гегель, количество недовольства перерастет в качество, что выразится в том, что турецкая армия откажет его величеству султану в лояльности. Не кажется ли вам, что этот ключевой для турецкой государственности момент было бы неплохо использовать для того, чтобы исправить некоторые несправедливости, допущенные по отношению к Болгарии тридцать лет назад на Берлинском Конгрессе...

С этими словами русский министр иностранных дел вытащил из своего портфеля модной формы «дипломат» карту с предполагаемыми исправлениями «несправедливостей» и подтолкнул ее в направлении болгарского премьер-министра.

– Если мы договоримся, – добавил он, – то это счастливое для Болгарии исправление границ будет связано в истории именно с вашим именем, не говоря уже о том, что именно в ваше премьерство Болгария освободится от последних остатков вассальной зависимости от Турции, превратившись в полностью самостоятельное государство.

После этих слов в Александре Малинове проснулся адвокат (коим он и был согласно своему образованию) – а эти люди не двинутся дальше, пока не уяснят для себя смысла всех сказанных прежде слов.

– Петр Николаевич, – спросил он, как бы равнодушно отведя взгляд в сторону от русского министра, – о чем мы с вами должны договориться?

– О том, господин Малинов, – с нажимом произнес Дурново, – каким образом при реализации этого плана будут обеспечены интересы Российской империи. Ведь тридцать лет назад несправедливость была допущена не только в отношении Болгарии, но и в отношении Российской империи, когда братская во всех смыслах для нас страна, обязанная нам самим своим существованием и жизнями своих сограждан, вдруг повернулась к нам спиной, если не сказать хуже, а ее политики стали произносить возмутительные речи, походя понося освободителей своей страны. Ведь не австрийские или германские солдаты форсировали Дунай, штурмовали Плевну, насмерть стояли вместе с болгарскими ополченцами на Шипке; так почему же болгарская политика послушно следует в фарватере заданном Берлином и Веной, игнорируя пожелания Санкт-Петербурга?

В задумчивости побарабанив пальцами по столу, Петр Дурново еще раз пристально взглянул в глаза своему собеседнику, который тут же отвел взгляд в сторону.

– Если такое случится еще раз, – добавил русский министр иностранных дел, – то его величество император Михаил Второй может очень сильно расстроиться. И я даже не знаю, что в этом случае может произойти, потому что такое двурушническое поведение будет истолковано им как личное оскорбление... В таких случаях государь становится вельми суров, и я не завижду тем, кто своим поведением вызвал неудовольствие нашего государя...

– Хорошо, Петр Николаевич... – со вздохом произнес болгарский премьер, – скажите – что вы, то есть ваш государь, хотите за то, чтобы описанное вами гипотетическое переустрой-

ство границ превратилось в реальность. В настоящий момент Болгария зажата в тисках между недружественными ей странами и чувствует себя стесненной во всех отношениях. Если бы не благожелательный настрой Австро-Венгрии, мы бы и вовсе оказались в полном окружении, ибо Российская империя оказалась не в состоянии полноценно поддерживать наше существование.

– А кто заставлял вашего князя ради ничтожного исправления границ устраивать никому не нужную войну с Сербией? – с горечью спросил русский министр. – Черт с ней, с Восточной Румелией, отторгнутой от Болгарии Берлинским конгрессом, и большая часть населения которой стремилась жить в болгарском государстве. Но с сербами зачем вам потребовалось воевать, тем более что все равно по итогам той дурацкой во всех смыслах войны границы между государствами не передвинулись и на пядь?

– Петр Николаевич, – вскинул голову болгарский премьер, – сербы на нас напали, а мы только защищались!

– Они напали на вас после того, как вы силой передвинули границу, под угрозой оружия выдворив сербских пограничников с их заставы, – с нажимом произнес Дурново. – Тут, на Балканах, где нравы у людей взрывоопасные как порох, такие действия непременно должны были закончиться плохо.

Немного помолчав, он добавил:

– Впрочем, нельзя не сказать и о том, что сербский король тоже был хорош, поэтому в будущем мы заранее должны обдумать все возможные варианты развития событий... Не думайте, что вы будете единственным моим собеседником; соответствующие лица в Афинах и Белграде также получают свои предложения, от которых им невозможно будет отказаться.

– Хорошо, Петр Николаевич, – кивнул Александр Малинов, – я вас понял. Вы предлагаете переустроить границы в пользу Болгарии и обещаете нам в этом свою помощь. Но скажите, что с такого переустройства получит Российская империя, раз хлопотать о нем к нам приехал целый министр иностранных дел, ни больше ни меньше?

– Российская империя, – ответил Дурново, – рассчитывает получить то, что тридцать лет назад не решились взять император Александр Второй Освободитель и его министр князь Горчаков. Я имею в виду Черноморские проливы вместе с Константинополем, которые еще тогда по праву победителя должны были перейти в собственность Российской империи. Еще мой император предполагает, что после задуманного им переустройства границ на Балканах у России тут будут только добрые друзья и никого более. Дальнейшие конфликты и междоусобные ссоры между дружественными балканскими государствами будет предотвращать Балканский союз в составе Болгарии, Греции, Сербии и Черногории, все споры в котором будут решаться мирно путем переговоров при справедливом арбитраже моего императора.

– А Османская империя? – быстро спросил болгарский премьер, – какова будет ее роль в предполагаемой вами системе?

– Османской империи просто не будет, – резко ответил Дурново, – ни на Балканах, ни вообще; а то, что от нее останется, я с вами сейчас обсуждать не буду, потому что это никоим образом не входит в круг ваших интересов. Забудьте о том, что это государство вообще существовало, и давайте поговорим непосредственно о предполагаемом будущем Болгарии... Кстати, имейте в виду, что, в связи с вышесказанным, вассальная зависимость Болгарского княжества будет прекращена естественным путем, и вы сможете сразу переходить к провозглашению полной независимости.

– Хорошо, Петр Николаевич, – согласился Александр Малинов, – давайте поговорим о будущем моей страны... Только ведь премьер-министр – не самое удобное лицо для такого разговора. Сегодня я при власти и полномочиях (кстати, далеко не безграничных, как у вашего государя), а завтра – просто частное лицо, лидер оппозиции или вообще политический эмигрант, выпрашивающий на улицах Санкт-Петербурга корочки хлеба для пропитания себя и своей семьи. Не лучше ли на столь величественные темы разговаривать непосредственно с

нашим князем Фердинандом Саксен-Кобург-Готским, который, конечно, подчиняется конституции, но при этом куда более самовластен, чем его дальний родственник британский король Эдуард Седьмой?

– Во-первых, господин Малинов, – ответил Дурново, – не могу представить вас выпрашивающим корочки хлеба. Вы же неплохой адвокат с дипломом Киевского университета; а в Петербурге столько разных судебных тяжб, что вы всегда сумеете найти хорошо оплачиваемую работу по своей первой специальности. Во-вторых – я, конечно, переговорю с вашим князем Фердинандом Саксен-Кобург-Готским, было бы неприлично приехать в Софию и не встретиться с болгарским монархом. Но поскольку у моего государя есть вполне обоснованные подозрения, что именно князь Фердинанд однажды станет причиной его внезапного огорчения, ни о чем подобном с ним разговаривать не буду. Официально темой моей беседы станет формирование Балканского Союза для совместного дипломатического давления на Турцию, и ничего более. Ни о какой возможной войне и изменении границ даже и речи не пойдет. Зато в надлежащий момент, о котором мы с вами уже говорили, когда от болгарского правительства потребуются самые решительные действия, с вашим князем от имени народа Болгарии побеседуете именно вы, господин Малинов. Скажу сразу, с его стороны нас вполне устроит добровольная абдикация (отречение) в пользу старшего сына Бориса и отъезд за пределы Болгарии с обещанием более никогда не вмешиваться в дела страны. Воспитателем юного князя Бориса и главой Регентского совета, который будет править Болгарией до достижения им возраста в двадцать один год, будет назначен человек, которого назовет мой император. Но можете не беспокоиться – вашей Тырновской конституции ничего не угрожает, и первым заместителем главы Регентского совета будет законно избранный премьер-министр Болгарии, то есть вы или ваш преемник на этом посту.

После этих слов в комнате наступило гробовое молчание. Петр Дурново сказал то, что должен был сказать, а Александр Малинов лихорадочно обдумывал ответ. Предложение, которое ему только что сделал русский министр иностранных дел, было экстраординарным. Сделай такое предложение кто-нибудь другой – например, один из болгарских политиков, – премьер-министр шарахнулся бы от него как от зачумленного. Но русский министр иностранных дел не может быть банальным полицейским провокатором и явно не подразумевал за своими словами никакого тайного смысла. Но каков шанс!? В одну роковую минуту, от которой зависит будущее Болгарии, сделаться вершителем судеб и делателем королей... Прославиться как премьер-министр, при котором территория Болгарии увеличилась почти вдвое, а турки, эти извечные насильники и губители болгарского народа, канули в небытие. Конечно же, он согласен, и, как самый популярный политик страны с немалыми организационными возможностями, вполне сможет проверить предложенное дельце, собрав с него все положенные дивиденды. Но все же одна мысль продолжала скрестись в черепе болгарского премьера – точно кошка, которая просится, чтобы ее впустили в дом...

– Петр Николаевич, – наконец решившись, осторожно спросил он, – а как к отставке князя Фердинанда и последующему переустройству границ отнесется Австро-Венгрия и лично император Франц-Иосиф, который с крайне подозрительностью относится к малейшему усилению славянских государств? Не будет ли следование предложенному вами плану самоубийством для Болгарии и других государств, которым вы хотите предложить аналогичный план действий?

– Об этом вы можете не беспокоиться, – с легким пренебрежением ответил русский министр иностранных дел, слегка поморщившись, – в Вене к грядущему переустройству границ на Балканах отнесутся, конечно, без особого восторга, со всхлипываниями и стонами, но мой император заверяет, что ничего плохого ни вам, ни кому-нибудь еще из своих соседей император Франц Иосиф сделать уже не сумеет. Не задавайте никаких вопросов, просто примите мое утверждение на веру, потому что со мной государь тоже не поделился подробностями.

– Понятно, Петр Николаевич, – кивнул болгарский премьер, – а теперь позвольте мне откланяться, чтобы в тишине и покое обдумать сделанное вами предложение. Ответ я вам дам через сутки, явившись сюда лично.

– Идите, господин Малинов, – сказал Дурново, – и помните, что каждый человек сам является кузнецом своего счастья и несчастья. Впрочем, что я вас учу; все в ваших руках – дерзайте.

После того как болгарский премьер вышел, русский министр иностранных дел задумался. Вроде одно дело он сделал, и поручение его императорского величества выполнил в точности так, как тот просил. Ничего, никуда этот Александр Малинов не денется – прибежит завтра на задних лапках, виляя хвостиком, и принесет свое согласие в зубах. Вот в Афинах разговор наверняка будет гораздо сложнее. Греция в большей степени ориентирована на Европу, и для правительства в Афинах разгром Турции – это дело реванша за поражения в войне десятилетней давности, а не насущная необходимость. Государь говорит, что единственное, что может побудить греков присоединиться к создающемуся Балканскому союзу, это желание вскочить в отходящий поезд. А то как же. Дележка тушки убиенной Османской империи – и без греков? Ну ничего, и это тоже немало; а в качестве утешительного приза Афинам можно предложить населенную греками малоазийскую Смирну с окрестностями. Поди, от такого подарка они не откажутся.

22 февраля 1908 года. Полдень. Санкт-Петербург. Зимний дворец. Готическая библиотека.

Присутствуют:

Император Всероссийский Михаил II;

Министр труда действительный статский советник Владимир Ильич Ульянов;

Председатель Союза фабрично-заводских рабочих Иосиф Виссарионович Джугашвили

Главный редактор газеты «Правда» Ирина Владимировна Джугашвили-Андреева.

В конце зимы иногда бывают такие дни, когда хорошо отдохнувшее солнце вдруг почти по-весеннему начинает припекать с безоблачного неба, обещая соскучившимся по теплу людям скорый приход капли и звон весенних ручьев, хотя до настоящей весны остается еще не меньше месяца. Вот и сегодня так называемый «запах весны» проник даже сюда, в Готическую библиотеку, казалось бы, надежно отрезанную от суеты внешнего мира. Больше всего весеннее настроение было заметно по раскрасневшейся и похорошевшей Ирине Андреевой, ее внешне беспричинным улыбкам и ласковым взглядам, которые она бросала на своего мужа. Император Михаил отметил, что тут сразу видно счастливую пару, которая прожила вместе без малого четыре года, но не утратила новизну и остроту любовных ощущений. Впрочем, и ему с Мари тоже было грех жаловаться: хрупкая, как фарфоровая кукла, японка почитала своего мужа-императора за земное божество, а он был готов носить ее на руках.

Впрочем, тема беседы, ради которой император пригласил своих гостей, была достаточно далека от обсуждения приближающейся весны. То есть нечто похожее по настроению на близкий приход весны в воздухе Готической библиотеки ощущалось, но не в календарном, а в социально-политическом смысле. Проводимый самим императором процесс социальной революции сверху, поначалу почти незаметный, все больше набирал ход. И вот, казалось бы, настал тот момент, когда, согласно законам диалектики, количество обязано было перерасти в качество, а император Михаил должен был объявить о начале процесса построения социализма в отдельно взятой Российской империи. И все это – без Диктатуры Пролетариата, Власти Советов, Партии Нового Типа и Низвержения Самодержавия. Вообще-то это самое низвержение самодержавия большинством российских и иностранных социалистов и социал-демократов виделось обязательным условием построения истинно справедливого общества, но императору их мнение было безразлично. Мало ли чего там себе выдумали бородастые «основоположники», которые

не только социализма никогда не строили, но и гвоздя в стенку забить не умели. Впрочем, как сказал (или еще скажет) товарищ Коба, марксизм – это не догма, а руководство к действию.

Впрочем, для того, чтобы разобраться с теорией в преддверии грядущих событий, император и позвал к себе главных борцов за построение справедливого общества и счастье трудящихся. Поприветствовав своих гостей и предложив им садиться, Михаил сразу взял быка за рога.

– Значит так, товарищи, – сказал он, – поскольку каждый солдат должен знать свой маневр, хочу поставить вас в известность о двух вещах. Первое – в самое ближайшее время Российской империи предстоит вступить в скоротечную войну, в которой Мы непременно планируем победить...

Вот тут каждый отреагировал по-своему. Супруга Кобы ойкнула, сам Коба непроизвольно выругался по-грузински, а господин Ульянов со всем возможным ядом в голосе осведомился – нельзя ли было, мол, обойтись без войны?

– Нельзя, – сурово ответил Михаил, – мы стреляем в нависшую над нашими головами лавину, чтобы она не успела набрать полной мощи и, сходя со склона, не погребла нас под собой, как случилось в прошлой истории. Изменение состава коалиций – это не панацея, а лишь способ временно отодвинуть угрозу подальше от наших границ. Ситуация на мировой арене такова, что вчера было рано, а завтра будет поздно. Экономический кризис, начавшийся в прошлом году в Североамериканских Соединенных Штатах и Европе, предоставляет нам уникальную возможность нанести окончательное поражение Турции и Австро-Венгрии в тот момент, когда Великобритания, Франция, Италия и Штаты ослаблены экономическим кризисом и, скорее всего, будут мешкать перед вступлением в войну. А у нас, как вы помните, благодаря мерам, предпринимаемым Нами для развития экономики и роста благосостояния населения, никаких экономических кризисов нет, и пока не предвидится... Один стремительный, почти бескровный для нас удар в стиле господина Бережного – и два наших заклятых врага остаются только на страницах учебников истории, после чего всем прочим придется хорошенько подумать, прежде чем навязывать нам продолжение банкета.

– Не это же подло и бесчестно, – возразил Ульянов-Ленин, – вы собираетесь воспользоваться слабостью ваших врагов в тот момент, когда они не могут ответить вам ничем равноценным. Ладно дикая Турция; но Австро-Венгрия... эта милая культурная страна, с Венской оперой, чистенькими пивными и вышколенными вежливыми полицейскими...

Владимир Ильич, видимо, собирался еще немного поразглагольствовать по поводу своих эмигрантских воспоминаний, но император Михаил довольно резко прервал его дозволенные речи.

– В конце концов, господин Ульянов, я Император Всероссийский, и в силу коронационной присяги и велений своей совести обязан печься исключительно о тех, кто является моими подданными. Что я и делаю, всеми силами пытаюсь превратить большую империалистическую войну в серию скоротечных конфликтов, в которых погибнет на порядок меньше русских солдат, чем было в прошлый раз. Что касается вас, то вы являетесь министром труда Российской империи, и в ваши профессиональные обязанности входит забота исключительно о российских трудящихся, а не о подданных турецкого султана или австрийского императора. Вот когда они в результате нашей победы станут российскими подданными, тогда мы с вами и будем о них переживать, Мы по своей линии, а вы по своей... И я не Иисус Христос, чтобы пытаться объять своей заботой все человечество, да и вам тоже не стоит торопиться на Голгофу.

Ильич хотел было сказать еще что-нибудь такое нелицеприятное, но Коба вдруг веско сказал: «товарищ Михаил полностью прав!» – и вождь мирового пролетариата осекся на полувздохе. С недавних пор за молодым грузинским революционером стало наблюдаться что-то такое эдакое, отчего тушевались и смущались даже те люди, которые были старше его и по возрасту, и по положению.

– В русском народе, – как бы пояснил он свои слова, – говорят, что тот, кто слишком широко шагает, рискует порвать свои штаны в самом интересном месте. К великой цели требуется двигаться маленькими шагами. Российская империя при товарище Михаиле стала одним из самых социально ответственных государств, отчего австрийские и турецкие рабочие, перешедшие в российское подданство, ничего не потеряют, зато приобретут положенные им по закону социальные гарантии. Я, например, понимаю это именно так.

– Кхм, – сказал смущенный Ульянов, – действительно, товарищ Коба. Что-то я об этом не подумал. Но в таком случае надо признать, что чем сильнее будет развиваться капитализм, переходящий в свою высшую империалистическую фазу, чем чаще и сильнее его будут потрясать глобальные экономические кризисы, тем острее будут политические противоречия между отдельными империалистическими державами. И если экономические противоречия при империализме выливаются в мировые экономические кризисы, то политические противоречия, по закону перехода количества в качество, должны приводить к глобальным войнам, в которых за передел мира будут сражаться все имеющиеся в наличии империалистические державы...

– Все верно, товарищ Ульянов, – облегченно вздохнул император Михаил, – и именно об этом, только другими словами, нам уже четыре года талдычили товарищи из будущего. Не так ли, Ирина Владимировна?

– Именно так, товарищ Михаил, – подтвердила товарищ Джугашвили-Андреева, – когда в мире не осталось свободных территорий, которые можно было бы просто застолбить, а колониальные войны становятся все менее результативными, тогда наступает время глобальных конфликтов, когда бои идут уже не в далеких колониях, а прямо посреди старушки Европы. Победитель получает все – говорили те, кто развязал эту бойню. Но еще никто не догадывается, что победителей в этом всемирном Армагеддоне не будет. Точнее, этот победитель не входил в число предвоенных фаворитов, потому что о его существовании до самого последнего момента ничего не было известно... Если вы, Владимир Ильич, не поняли, то я имею в виду созданное вами на руинах Российской империи в нашем варианте истории первое в мире государство рабочих и крестьян. И еще одна поправка. Когда наступает время мировой воны, то в схватке за существование сходятся не только империалистические, но и социалистические державы. Империализм бывает не только капиталистический, но и социалистический, иначе бы единственное социалистическое государство не продержалось бы среди капиталистических хищников целых семьдесят лет. Можете записать эту мысль в свой Катехизис. Когда решается, кто выживет, а кто станет кормом для победителя, не особенно-то смотрят на политическую ориентацию. Бывшие смертельные враги встают под общие знамена, а вчерашние союзники атакуют друг друга со смертоносной яростью. Поэтому товарищ Михаил совершенно прав, когда старается застать врага в неготовом к войне состоянии, чтобы разгромить его с минимальными потерями для своей армии...

– Кстати, – неожиданно сказал император, – о капиталистических и социалистических империях. Сразу после победы над Турцией и Австро-Венгрией будет объявлено о завершении переходного периода и начале строительства в России просвещенного социализма с монархическим лицом. Я уже примерно знаю, что надо делать и как избежать большинства самых грубых ошибок, которые за время своего правления допустили присутствующие здесь Владимир Ильич и Иосиф Виссарионович.

– Так-так! – сказал Ильич, «фирменным» жестом закладывая большие пальцы за проймы жилета и наклоняясь к собеседнику. – А вот с этого момента, товарищ Михаил, пожалуйста, поподробнее. В чем именно будет выражаться этот ваш монархический социализм и чем он будет отличаться от социализма, так сказать, классического типа? А также, пожалуйста, изложите, какие ошибки, по вашему мнению, должны будут совершить в будущем присутствующие тут ваш покорный слуга и товарищ Коба?

– Давайте начнем с того, – сказал император, – что мы не можем отбросить тысячелетнюю государственную традицию, сжечь свой дом в огне мировой революции, и лишь потом на заваленном трупами пепелище начать строить новое справедливое общество. Это совершенно исключено; а с теми, кто мечтает о таком, будет разбираться ведомство Александра Васильевича Тамбовцева. Каждая Империя только тогда чего-нибудь стоит, когда умеет себя защитить.

– Ну, товарищ Михаил, – немного разочарованно протянул Ильич, – об этой части вашей программы мы догадывались и так. Ведь безумием бы было предполагать, что вы сейчас схватите факел и кинетесь поджигать свой Зимний дворец. Нам хотелось бы знать, каким образом вы собираетесь сочетать отжившую свою форму монархического правления, при которой неизбежно существование классов угнетателей и угнетенных, с принципами всеобщей социальной справедливости, для претворения в жизнь которой необходимо создать бесклассовое общество равных возможностей?

– Во-первых, товарищ Ульянов, бесклассовое общество – это миф, – ответил император, – и при развитом социализме, о котором нам рассказывали товарищи из будущего, были угнетенные классы рабочих и крестьян, прослойка в виде интеллигенции и угнетатели, в лице которых выступала партийно-государственная бюрократия. Если кто-то отчуждает продукты чужого труда, не производя при этом никаких полезных действий, то этот человек должен считаться угнетателем, невзирая на прочие обстоятельства. Да, Мы признаем, что норма эксплуатации трудящихся при так называемом развитом социализме была в разы меньше, чем при развитом капитализме, но это преимущество нивелировалось общей стагнацией экономики, дефицитом товарной массы и снижением качества предоставляемых государством услуг.

Немного помолчав, император добавил:

– Ваше первое в мире государство рабочих и крестьян проиграло борьбу за сосуществование в буржуазном окружении не в силу каких-то фатальных причин непреодолимого характера, а в силу тотального обобществления, а точнее, огосударствливания средств производства. Хорошо взять в казну большой военный завод: и управлять им относительно легко, и производимый им конечный продукт потребляется непосредственно государством, минимизируя расходы этого государства на оборону, в которые не закладывается выгода частных лиц. Неплохо наложить лапу на нефтепромыслы или угольные шахты, непосредственно приносящие казне чистый доход. Гораздо хуже, если под управлением государства окажутся швейные и обувные фабрики, заводы по выпуску часов, портсигаров и папирос. В таком случае ассортимент того, что будут производить эти предприятия, будет определяться не по потребности людей, исходя из спроса в магазинах, а произволом планирующего чиновника, в результате чего каких-то товаров будет не хватать, а какие-то окажутся в избытке, затоваривая склады. И совсем плохо будет в том случае, если тотальной национализации подвергнутся мелкие лавочки, производственные артели и кустари-одиночки, и действия какого-нибудь сапожника дяди Жоры, почищающего штиблеты в своей будочке, будут регламентироваться из Санкт-Петербурга каким-нибудь министром бытового обслуживания...

После этих слов императора Ильич и Коба недоуменно переглянулись. Мол, неужели, доходило и до такого, чтобы национализировали даже кустарей?

– Дошло-дошло, – подтвердила Ирина, – и кустарей национализировали, и коров в крестьянских хозяйствах резали, и деревни укрупняли в поселки городского типа, – да так ловко и с таким энтузиазмом, что придушили свое сельское хозяйство, подсев на импорт продовольствия от проклятых буржуинов. Будет у вас, товарищ Ульянов, один верный последователь который пообещал, что через двадцать лет советский народ будет жить при коммунизме, а на самом деле его политика шарахания из крайности в крайность привела страну к реставрации капитализма. Товарищ Михаил прав. Принцип национализации средств производства, доведенный до абсолюта, тяжело бьет по экономике государства, делая ее неконкурентоспособной.

И не поможет вам тогда никакая социальная справедливость, ибо ее одну, без сопутствующих товаров и услуг, на хлеб тоже не намажешь.

– Спасибо, Ирочка, – сказал император, – таким образом, я остановился на том, что экономика при моем монархическом социализме будет многоукладной, государственная или общественная собственность будут существовать там, где это необходимо, а частная – там, где уместно. Кроме таких крайностей, как государственная и частная собственность, будут существовать и такие формы владения средствами производства, как артельная и кооперативная. Также уже поощряется (и далее будет поощряться) практика, когда рабочие коллективы становятся сособственниками предприятий. Так что можно предполагать, что во многих случаях форма собственности может быть комбинированной, когда часть паев принадлежит государству, часть частному лицу-капиталисту, а часть коллективу из рабочих и инженеров...

– Постойте, постойте, товарищ Михаил, – возразил Ильич, – но ваша многоукладная экономика все равно будет подвержена кризисам перепроизводства, чему будет способствовать само существование частного капиталистического интереса, который не направлен на потребление, а значит, и не создает платежеспособный спрос, потому что служит лишь для накопления капитала. Некоторые наши оппоненты говорят, что в эпоху крупного капитала, монополизирующего целые отрасли, будет возможно так управлять производством, чтобы избежать выпуска ненужных товаров. Но при этом эти господа не учитывают, что капиталист знает только одно средство для управления производством – это закрытие заводов и фабрик и увольнение персонала, что еще больше сужает платежеспособный спрос и приближает кризис. Для того, чтобы покрыть эту разницу и избежать проблем, вы должны будете либо продать часть товаров за границу, либо выпускать на эту сумму необеспеченные бумажные деньги (что вызовет инфляцию), либо брать в долг у российских или зарубежных банкиров. Одно из трех, четвертого не дано. Полного равновесия между товарной массой и предназначенным для ее поглощения платежеспособным спросом может добиться только истинно социалистическая экономика, исключая частный интерес.

– Это вы постойте, товарищ Ульянов, – ответил император, – ваши выкладки были бы верны, если бы класс капиталистов вовсе не участвовал в создании платежеспособного спроса; а ведь он в нем участвует, только в более высоком ценовом сегменте. К тому же помимо ручного труда существует машинный, который не оплачивается, потому что станки, увеличивающие производительность работников, не нуждаются в выплате жалованья, а стало быть, эта неоплачиваемая разница и может быть направлена на удешевление товарной массы, чтобы та вписалась в имеющийся объем платежеспособного спроса. Как крайний случай такого удешевления можно взять теоретически предсказанный вами коммунизм, когда вся товарная масса будет производиться машинами без участия людей, а следовательно, ее цена будет стремиться к нулю.

– Это вы погодите, товарищ Михаил! – разгоряченно выкрикнул Ильич, – в отношении потребления буржуазии вы были бы правы, если бы дело касалось только мелкой и средней буржуазии, которые, действительно, все свои доходы пускают на оборот или потребление. Крупная буржуазия тратит намного меньше, чем выжимает из рабочего класса и крестьянства, аккумулируя в виде так называемого богатства значительную часть национального дохода. Кроме того, та же крупная буржуазия предпочитает потреблять где-нибудь за пределами нашего богоспаемого отечества в Лондоне, Париже, Ницце и Монте-Карло, что еще больше усиливает перекосы в запланированной вами смешанной экономике. Ведь те успехи в экономике, которые вы имеете сейчас, в значительной степени объясняются компенсационными процессами, вызванными резким снижением нормы эксплуатации основной части населения. У народа появились деньги, и люди начали тратить их на самое необходимое. Еще в какой-то степени на нынешний платежеспособный спрос срабатывает развернутая вами программа кредитования бедняцких и середняцких хозяйств, но спрос, вызванный таким образом, можно сказать, взят взаймы у

будущих периодов. Рано или поздно эффект от снижения эксплуатации и кредитования малообеспеченных слоев населения закончится и мы вернемся все к тем же циклическим кризисам, только, с позволения сказать, двумя этажами выше, а вместе с кризисами вернется и почти исчезнувшая социальная напряженность...

Закончив эту тираду, Ильич несколько раз прошелся взад-вперед по комнате, будто собираясь с мыслями, а потом, остановившись и внезапно развернувшись в сторону императора Михаила, вдруг с ехидцей в голосе добавил:

– Отдельно должен сказать о вашей ошибке по поводу бесплатности доли прибавочной стоимости, образуемой за счет применения все более совершенствующихся машин и механизмов. Это только кажется, что машины работают бесплатно. На самом деле по мере совершенствования техники ее эксплуатация становится делом все более сложным и затратным. Обслуживают машины и механизмы специальные люди, получающие немалое жалование, кроме того, для них необходимы смазка, топливо, запасные части и расходные материалы, которые тоже стоят денег. Хотя должен сказать, что вырабатывают современные машины значительно больше, чем потребляют, а следовательно, никакая кустарная мастерская, несмотря ни на какое мастерство своих рабочих, не в состоянии конкурировать с самой плохонькой фабричкой, использующей механические станки. Теб м не менее следует признать, что выигрыш от механизации имеется, и немалый. Но главное заключается в том, что пока эти машины и механизмы находятся в собственности крупного капитала (ибо только именно он способен приобретать их и внедрять в производство), весь экономический эффект от их работы в полном объеме будет присвоен себе их владельцами. Эффект снижения цен может наблюдаться только в момент агрессивных конкурентных войн, когда монополии в отчаянной борьбе стремятся вытеснить друг друга с рынка, но как только одна из таких монополий одержит победу, цены снова стремительно вырастают даже выше прежнего уровня. Ни один капиталист не захочет терять прибыль, а капиталистов-монополистов эта истина касается вдвойне и втройне.

– Никакого крупного монополистического капитала, за исключением государственного, в Российской империи не будет, – резко ответил император Михаил. – В крайнем случае это будут акционерные общества с доминирующим государственным участием. При этом у государства будет преимущественное право выкупа долей других держателей, за исключением долей рабочего коллектива. Россия самой огромностью своего размера и расположением между Европой и Азией обречена на то, чтобы значительная часть ее национального дохода изымалась из общего пользования для решения стратегических задач. Поэтому добыча золота, алмазов, нефти, угля, железной руды и прочие производства, жизненно-важные для Империи, со временем целиком перейдут под государственный контроль. Полностью частный капитал, без государственного участия, будет разрешен только для предприятий, изготавливающих товары конечного потребления и полуфабрикаты, с числом работников не превышающим ста человек. Впрочем, Мы надеемся, что значительную долю таких небольших предприятий составят производственные артели и кооперативы, где прибавочная стоимость будет делиться на всех работающих. Собственно, в основном такие малые частные и артельные предприятия нужны нам для того, чтобы закрыть ту мелкую, повседневную часть промышленности, которой просто неуместно заниматься государству: вроде той же починки штиблет или уличной торговли вразнос разными мелочами...

– Очень интересно, товарищ Михаил, – задумчиво произнес Ильич, – только на социализм сия экономическая конструкция похожа мало. Сдается мне, что это больше напоминает государственно-капиталистический монополизм, с вами в роли единственного владельца заводов, газет, пароходов и вообще всего ценного, что существует в этой стране. Нет, нет и еще раз нет! Государственный контроль за основными областями промышленности – это еще не социализм, а лишь один из основных его признаков. Ну а пока монархическое лицо я в этой

системе вижу, а вот социализма там попросту нет. Если желаете, можете меня переубедить, но я все равно твердо буду стоять на своем.

– Товарищ Ульянов, – сказал император Михаил, – возможно, отчасти вы правы. Дилемма «социализм – капитализм» решается не формой собственности на средства производства, а тем, на какие цели тратится полученная прибавочная стоимость. Переход к социализму будет означать, что наши подданные начнут получать от государства всеобщее образование (в перспективе – общее среднее), а также всеобщее медицинское обеспечение; государство также обязуется вести контроль за снижением уровня цен и проводить иную политику, направленную на улучшения благосостояния населения.

– Ну хорошо... – Ильич почти добежал до лестницы, ведущей на верхний этаж библиотеки, потом вернулся обратно. – Допустим, вам все удалось и эта хитрая экономическая конструкция заработала, сводя в ваши руки ниточки управления страной. Будучи хорошо отстроенной, такая система сможет работать почти бесконечно долго. Единственный ее недостаток в том, что, сохраняя отжившие свое аристократические титулы, а также потомственное и личное дворянство, она игнорирует принцип справедливости, а следовательно, и не является социалистической.

– Является, – твердо заявил Михаил, – сейчас, когда у меня есть гвардейские части, составленные не из дворян (я имею в виду морскую пехоту), я могу решительно заявить, что отменяю указ императора Петра Федоровича о Вольности Дворянской, и повелеваю с первого января будущего 1909 года считать дворянином только того, кто состоит или состоял прежде на действительной военной или гражданской службе. Подтвердить потомственное дворянство можно будет получением тех же чинов, достижением которых рожденные в подлом сословии получают дворянство личное... Вот вам и справедливость. Хочешь носить звание российского дворянина – служи. Не хочешь служить – шагом марш в мещане. Третьего не дано. Дворянские привилегии надо заслужить, и при этом желательно кровью... Я понимаю, что сопротивление этому моему указу будет диким, но операцию по отделению агнцев от говнищ проделать необходимо.

После этих слов в Готической библиотеке настала мертвая тишина. И Ильич, и Коба пытались мысленно проанализировать тот мир, на жизнь в котором их обрек император Михаил. Получалось, что работы у всех у них будет великое множество, а времени для отдыха совсем мало, потому что новая политика потребует от всех них особо тщательной и напряженной работы. Все же прочее можно будет сказать по прошествии года, двух или даже пяти, когда новая система будет обкатана во всей своей красе.

Уже в конце, когда аудиенция была окончена и гости принялись прощаться, император Михаил попросил чегу Джугашвили задержаться на полуденное чаепитие. Мол, императрица Мария Владимировна изъявляла желание встретиться с первой своей наставницей в деле европейского этикета и заодно закадычной подругой, которая в свое время приняла ее как родную. Мол, посидеть, попить чайку и поговорить на такие темы, которые, в общем-то, поднимаются между людьми, которые довольно близки между собой. Товарищ Ульянов все правильно понял, откланялся и ушел (тем более что подобное времяпрепровождение было для него египетской пыткой). А вот Коба и Ирина Владимировна остались и последовали за императором туда, где все было приготовлено для чайной церемонии, и ждала русская императрица, дочь императора Муцухито, которая весьма серьезно относилась к подобным вещам.

Полчаса спустя, Санкт-Петербург. Зимний дворец. Японская гостиная.

Присутствуют:

Император Всероссийский Михаил II;

Императрица Мария Владимировна (Масако Муцухитовна);

Председатель Союза фабрично-заводских рабочих Иосиф Виссарионович Джугашвили

Главный редактор газеты «Правда» Ирина Владимировна Джугашвили-Андреева.

Чаепитие в голубой гостиной напоминало классическую японскую чайную церемонию только общими чертами. Японская гостиная, появившаяся в Зимнем дворце одновременно с дочерью императора Муцухито, была стилизована под традиционный чайный домик тсяицу. Обслуживали гостей девушки-японки, настоящие красавицы, с густо набеленными кукольными личиками. Нет, это были не гейши и не девушки из знатных семей, а так, серединка на половинку. Эти служанки были набраны по объявлению из молодых бездетных вдов минувшей войны. Потом кандидатки прошли жесточайший отборочный конкурс на скромность и добродетельность, и были обучены японскому и европейскому этикету, игре на различных музыкальных инструментах. Одним словом, эти девушки показали себя достойными составить компанию дочери императора, навсегда уезжавшей в далекую чужую страну.

Первым делом три японки в кимоно уселись в уголке, взяли в руки традиционные японские музыкальные инструменты биву, котту и сямисен, и начали наигрывать простую и неприятную мелодию, которая успокаивала присутствующих и настраивала их на философский настрой мыслей. Тем временем две другие служанки молча и с поклонами принесли императорской чете и их гостям чаши с горячей водой для омовения рук, а потом и легкие закуски (по-японски «кайсэки»), предназначенные не столько утолить голод гостей, сколько доставить им эстетическое наслаждение своим видом. Товарищ Коба (для однопартийцев), он же Сосо (для своих), он же Иосиф Джугашвили (официально), за последние четыре года вполне пообтерся на подобных церемониях и не выглядел белой вороной даже на официальных приемах. «Общество» знало, что молодой император почему-то благоволит этому дикому абреку и революционному смутьяну, и хоть нехотя, но расступалось, давая ему место в своих рядах. Тем более что выглядел на этих мероприятиях господин Джугашвили (когда захочет) так, будто он и в самом деле самый настоящий тайный грузинский князь царского рода.

Пока гости под звуки музыки наслаждались закусками, началась подготовка к самой чайной церемонии, то есть приготовление крепкий зеленого чая маття. Пока одна служанка растирала в порошок тщательно высушенные листья зеленого чая, другая принесла исходящий паром котелок, температура воды в котором соответствовала восьмидесяти градусам. Чуть больше – и чай приобретет ненужный резкий привкус, чуть меньше – и напиток просто не заварится. Всыпав растертые в порошок листья в специальную чашу, одна из служанок залила его горячей водой, в то время как другая принялась взбивать получившуюся смесь бамбуковым венчиком.

И вот маття готов, и служанка с поклоном подает чашу с напитком хозяину дома. Тот отпивает маленький глоток и передает чашу супруге; та, отпив свою долю, с благосклонной улыбкой передает гостю, тот своей жене, после чего круг начинается сначала. И все это под навевающую расслабление и отрешающую от повседневной суеты бесхитростную мелодию, наигрываемую тремя музыкантшами.

– Чай, конечно, хорош, – в очередной раз передавая чашку жене, сказал Коба, – но скажи мне, батоно Мишико, неужели у тебя и у меня нет более важных дел, кроме как исполнение никому не нужных восточных ритуалов?

– Это тоже важное дело, дорогой Сосо, – вместо мужа, улыбаясь кончиками накрашенных губ, ответила императрица, – скажи ему, Майкл; твои слова для этого человека будут иметь гораздо больший вес, чем лепет неразумной женщины.

– Мы начали замечать, дорогой Сосо, – сказал император Михаил, – что ты начал тонуть в повседневной рутине. Это значит, что, с одной стороны, ты перерос свое нынешнее положение и перестал расти над собой, с другой стороны – что тебе требуется заглянуть внутрь себя и понять, каким путем двигаться дальше. Скажу тебе откровенно. Ты, конечно, еще не тот Великий Канцлер, которого я надеюсь увидеть рядом с собой лет через десять, но уже и не председатель Общества фабрично-заводских рабочих. Там у тебя все уже налажено, орга-

низовано, и для продолжения движения в избранном направлении на должности председателя требуется талантливый исполнитель. Ну чем плох будет в этой роли товарищ Калинин? А ты из всего этого уже вырос, как мальчик из коротких штанишек, и тебе требуется решить, чем будет лучше заняться дальше. Пойми – сейчас, когда от нас требуется предельное напряжение сил, такому человеку, как ты, совсем не время отсиживаться на маленькой и спокойной должности...

После этих слов в Японской гостиной наступила тишина, в которой слышалась только тихая и ненавязчивая медитативная мелодия, исполняемая тремя юными музыкантшами.

– Возможно это и так, батано Мишико, – прислушавшись к себе, через некоторое время ответил Коба, – только вот я все никак не могу понять, кто я для тебя: боевой товарищ, временный попутчик или же просто наемный работник, делающий свое дело от сих до сих?

– Не говори глупостей, Сосо, – сдвинув брови, ответил Михаил. – Разве я стал бы пить чай вместе с наемным работником или даже с временным попутчиком? Ни министры, ни кто-нибудь еще не удостоивается такой чести; это только для моей ближайшей родни, перед которой требуется блюсти приличия, и для тех людей, которые являются моими постоянными союзниками и единомышленниками. Ведь я хочу, чтобы Россия была сильной страной со справедливым социальным устройством – так же, как этого хочешь ты, Сосо, хотят генерал Бережной, адмирал Ларионов, тайный советник Тамбовцев, известный тебе капитан госбезопасности Бесоев, и многие другие... Помнится, было дело, последний раз тебя арестовали потому, что ты устроил забастовку на заводе, принадлежавшем французским Ротшильдам... Пока ты орудовал на предприятиях, принадлежавших их конкурентам, полиции до этого не было совершенно никакого дела, но как только ты задел интересы настоящих хозяев жизни, охранка тебя сцапала быстрее, чем лягушка хватает пролетающую мимо муху... Скажи, разве сейчас такое возможно?

– Сейчас, – немного подумав, сказал Коба, – по головке не погладят за любую забастовку, где бы она ни произошла. Хотя отчасти ты прав, любых мыслимых разумных экономических требований рабочим быстрее и проще добиться путем переговоров через согласительную комиссию нашего Общества. Дураки, не желавшие с нами разговаривать и договариваться, среди фабрикантов и заводчиков давно перевелись. Стоит какому-нибудь особо бойкому заводчику встать в горделивую позу, как к нему со всех сторон набегает инспектора Министерства труда, офицеры ГУГБ, корреспонденты Правды, а иногда и твои специальные исполнительные агенты, и совместными усилиями меняют горделивую позу на прямо противоположную, ту, при которой корма находится выше головы...

Отпив из переданной ему чаши, Коба передал ее жене и продолжил:

– Да, действительно, должен признать, что сейчас трудовые отношения в империи строятся на значительно более справедливой основе, а материальное благосостояние рабочих – хоть в Петербурге, хоть в целом по Российской империи, – существенно увеличилось. А если подумать еще немного, то становится ясным, что в последний год работа Председателя Общества для меня действительно превратилась в какую-то повседневную рутину, как у любого чиновника Империи, протирающего штаны в присутственном месте. Никаких тебе борьбы и трудов, только чтение отчетов, пришедших с мест, и выдача мудрых, но тем не менее вполне рутинных указаний, как поступить в том или ином случае. Только вот что, батано Мишико. Пока я не могу представить, на каком еще месте я мог бы быть полезен тебе и нашему общему делу построения справедливого общества. Пусть видим мы процесс этого построения немного по-разному, но твоя правда – это действительно наше общее дело...

– Лет через десять, – задумчиво сказал Михаил, – я намереваюсь сделать тебя своим Великим Канцлером. Себе я хочу оставить в непосредственное управление только армию, спецслужбы, полицию и МИД, а вот тебе придется тянуть все остальное. Это титанический труд, для которого у тебя пока нет соответствующего опыта. Пост председателя всероссийского

общества фабрично-заводских рабочих был для тебя только первой ступенькой, маленьким шагом в преобразовании революционера-нигилиста в лицо первого ранга в имперской иерархии и моего фактического заместителя. И еще. Если со мной что-нибудь случится, то именно на тебя ляжет обязанность Регента Империи, ибо никому из своих родственников я не доверяю так, как тебе. Даже если доверить это дело дяде Сергею, у которого нет своих детей, то любой регент из Романовых, скорее всего, вернет Россию на тот путь, которым она шла при несчастном Ники. Нет, нет и еще раз нет! Именно ты, при поддержке наших товарищей из будущего, должен будешь принять на себя обязанности воспитать моего сына настоящим человеком и при достижении им возраста в двадцать один год передать ему всю полноту власти в Российской империи, которая за время вашего регентства должна стать сильнее, богаче и краше.

– Да ладно, батона Мишико, – сказал расчувствовавшийся Коба, принимая из рук императрицы чашу с чаем, – жалко, что это не рог доброго грузинского вина, а то бы я сейчас обязательно сказал тост с пожеланием тебе ста лет жизни, чтобы ты дожил до рождения своего праправнука...

Отпив глоток и передав чашу дальше, Коба добавил:

– Но обещаю, что если с тобой случится какое-нибудь непоправимое несчастье, то я стану таким Регентом и правителем Российской империи, что все наши враги еще тысячу раз пожалеют о твоей смерти. И если ты дашь им это понять, то они не то что не будут устраивать на тебя покушений, но начнут сдувать с тебя пылинки, ибо твоя смерть будет и их смертным приговором. Это, как говорится, все, что я могу сделать для тебя лично...

И в этот момент вдруг заговорила молчавшая до того момента императрица Мария Владимировна.

– Господин Джугашвили, – сказала она, склонив голову, – неужели вам с моим супругом недостаточно встреч в его служебном кабинете, чтобы вы потом начали разговаривать о делах и во время чайной церемонии, когда человек должен отрешаться от мирской суеты, открывая свою душу всему прекрасному?

– Дорогая Мари, – вместо Кобы ответила Ирина, – у нас, у русских, есть такой обычай, что если наши мужчины встречаются в отсутствие своих жен, то они начинают разговаривать о других женщинах, а если при этом их жены находятся поблизости, то все мужские разговоры сводятся к политике или к делам. Впрочем, для наших с тобой мужей это одно и то же...

– Как скажете, госпожа Ирина, – еще раз склонила свою точеную головку императрица, – если моему мужу нравится вести такие разговоры, то кто я такая, чтобы перечить ему в этом деле. Со своей стороны могу добавить, что в случае насильственной смерти моего любимого супруга мой отец, император страны Ниппон, пошлет по следу заказчиков и исполнителей этого злодеяния тысячу разъяренных самураев с приказом найти и покарать их...

– Очень хорошо, – сказал император Михаил, – но сейчас, действительно, давайте оставим эту мрачную тему. Я и вправду надеюсь жить долго и счастливо, а о регентстве заговорил просто на всякий случай. Мне сейчас другое интересно. В ближайшее время после победы в грядущей войне я собираюсь снять запрет на деятельность в Российской империи политических партий, не ставящих своей целью насильственные действия в отношении государства.

– А зачем тебе эта головная боль, батона Мишико? – тут же спросил Коба. – Ведь ты же у нас ярый противник всяческого парламентаризма, а существование политических партий может быть оправдано только двумя причинами. Или это консолидация электорального и финансового ресурса в рамках парламентской системы, или группы заговорщиков-революционеров, замышляющих низвержение существующей власти путем вооруженного восстания. В остальных случаях существование политических партий просто не имеет смысла.

– Дорогой Сосо, – ответил Михаил, – я был противником преждевременного парламентаризма, когда политическая незрелость народа и неподготовленность государства к такой форме правления сразу выдвинули бы наверх разного рода политических прохвостов. Тогда что, при-

кажешь сразу же после выборов только что выбранную Думу распускать за невменяемость и тут же организовывать новые выборы и повторять этот процесс, пока не получится хоть что-то работоспособное? А кто в таком случае заплатит за этот банкет, ведь организация процесса голосования и подсчета голосов – дело не дешевое, но еще дороже прибытие избранных депутатов со всей страны великой в стольный град Санкт-Петербург и их рассадка в том же Таврическом дворце. Я сразу решил, что займусь этим только тогда, когда буду уверен, что получу работоспособную Думу с первой же попытки, и сейчас у меня есть все основания на это надеяться.

– Да?! – с изрядной долей скепсиса в голосе спросил Коба. – И каковы же эти основания, батона Мишико?

– Согласно социологическому мониторингу, который ГУГБ регулярно проводит вот уже три года, – сказал император, – потенциальные избиратели с правой политической ориентацией сосредоточили свои симпатии на господине Столыпине, а левые, соответственно, на вас, дорогой Сосо. Если перевести персоналии на потенциальную партийную принадлежность, то это получаются консервативная партия господина Столыпина и лейбористская партия товарища Джугашвили. Чтобы на начальном этапе уравнивать шансы и избежать реставрации прежней системы парламентским путем, я лично готов вступить в вашу партию и платить членские взносы в объеме двух процентов от своего дохода. Также в вашу партию вступят товарищи Ларионов, Бережной и прочие, прочие, прочие, которые, конечно же, уважают господина Столыпина как серьезного организатора, но совершенно не приемлют его правой ориентации...

– Постойте-постойте, батона Мишико, – запротестовал Коба, – я член партии социал-демократической рабочей партии большевиков, и еще не давал вам согласия на переход в какую-то там лейбористскую партию. Почему бы вам не использовать потенциал уже готовой партийной структуры вместо того, чтобы пытаться городить партийный огород с самого нуля?

– Во-первых, – сказал император, – партия большевиков, несмотря на все доброе к ней отношение со стороны моей монаршей персоны, так и не вычеркнула со своих скрижалей необходимость свержения самодержавия. Правда, сейчас ваши идеологи заявляют, что добьются они этого исключительно мирным путем, но нам-то известно, что делается это только для того, чтобы не конфликтовать с ведомством Александра Васильевича Тамбовцева, с которым шутки плохи. Во-вторых – название «лейбористская партия» в переводе с английского означает «партия профсоюзов». Именно в ваших руках находится самый мощный, сплоченный и обеспеченный профсоюз Российской империи, а значит, вам и карты в руки. Кроме всего прочего, членами профсоюзов могут быть члены самых различных политических партий, следовательно, в уставе лейбористской партии должно быть записано, что ее члены могут быть членами других партий левого или центристского направления. К тому же, если вы отделите свой личный рейтинг от партийного, то увидите, что лично за вас будут готовы проголосовать почти в пять раз больше народа, чем за партию большевиков вообще. Сторонники товарища Ульянова, разумеется, тоже пройдут в Думу, но будет их депутатов в разы меньше, чем у лейбористов. Их фракция пригодится вам для блокировок по различным политическим вопросам или даже для создания устойчивой коалиции. Решайтесь, дорогой Сосо, ведь создание лейбористской партии и ее успешная деятельность в будущей Думе – это и есть вам мое задание на следующий период вашей жизни и ступенька к великому канцлерству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.